

Тени старой квартиры

Автор:

[Дарья Дезомбре](#)

Тени старой квартиры

Дарья Дезомбре

Расследования Марии Каравай #5

Виолончелистка с мировым именем Ксения Аверинцева покупает квартиру с видом на канал Грибоедова. Узнав об этом, ее бабка умирает от сердечного приступа. По роковому совпадению, она жила в той старой квартире и была подозреваемой по так и не раскрытому делу. Но Ксения не может поверить, что ее бабушка – убийца. Она просит Марию Каравай о помощи, и та соглашается. Постепенно разгадывая секреты жителей коммуналки, Маша с Ксенией приближаются к главной тайне, смертельно опасной и для ныне живущих. История, начавшаяся как любительское архивное расследование, превращается в остросюжетный триллер. Скрываясь в лабиринтах питерских дворов и на старых фортах близ Кронштадта от преследующего ее убийцы, Мария Каравай пытается по крупицам отыскать затерянную во времени информацию...

Дарья Дезомбре

Тени старой квартиры

Федоре

Все хваленое настоящее – лишь момент, тут же становящийся прошлым, а вернуть сегодняшнее утро ничуть не легче, чем эпоху Пунических или Наполеоновских войн. И, как это ни парадоксально, именно современность мнима, а история – реальна.

Лев Гумилев

Было ли вправду все это? И, если да, на кой
будоражить теперь этих бывших вещей покой,
вспоминая подробности, подгоняя сосну к сосне,
имитируя – часто удачно – тот свет во сне?

Иосиф Бродский

Список обитателей коммуналки в 1959—1960-м годах:

Аверинцева Ирина, 22 года, химик, недавняя выпускница Технологического института.

Хелемская Ксения Лазаревна, 70 лет, старушка из «бывших», до революции владелица квартиры, нынешней коммуналки. Научный редактор.

Бенидзе, Лала Звиадовна, 33 года, портниха в ателье «Смерть мужьям» на Невском проспекте и Заза Отарович, 37 лет, оперный певец Кировского театра. Их дочь: Тамара, 15 лет.

Пироговы, Алексей Ермолаевич, 38 лет, мясник, Галина Егоровна, 35 лет, продавщица мясного магазина. Их дети: Валера, 7 лет, Леночка, 6 лет.

Лоскудова Людмила Николаевна, 37 лет, «разведенка», вахтерша ТЭЦ, ее дети: Алексей, 16 лет, и Колька, 8 лет.

Коняевы, Андрей Геннадьевич, врач, 45 лет, Вера Семеновна, учительница, 43 года. Внебрачный сын Андрея Геннадьевича Миша, 17 лет.

Аршинины, Анатолий Сергеевич, 46 лет, проводник ж/д, Зина, 23 года, воспитательница детского сада. Их дочь Аллочка, 4 года.

Начало

Нехорошая квартира. За десять дней до описываемых событий

Говорят, когда вы понимаете, что вот именно сейчас, сию минуту, счастливы, значит, ваша молодость прошла. Ибо в молодости счастье так же естественно, как дыхание. Лишь потом мы начинаем ставить зарубки на память. Ксения как раз сделала такую зарубку: вот, уходя стремительно вниз, тонут в закатном солнце «в багрец и золото одетые» канадские леса. А вот то же солнце плещется в бокале шампанского, что держит перед ней улыбчивая стюардесса. В салоне бизнес-класса пахнет кожей и сложными, дорогими духами, рядом уткнулся в газету мужчина с модной щетиной. Впрочем, думает Ксюша, может быть, дело вовсе не в прошедшей молодости, а в том, что бокал шампанского – уже второй? Или еще такой вариант: это и правда – первое выпавшее ей счастье. Нет, не выпавшее даже, привалившее – валом, после молодости, утекшей сквозь пальцы, измученные виолончельными струнами, как пальцы пряжи – грубой нитью. Сгинула молодость, не оставив ничего, даже ярких воспоминаний. Ведь нельзя же считать достойными памяти те вяло переходящие в годы часы, что она провела в замкнутом пространстве в обнимку с инструментом?

Чтобы затем все произошло так быстро: и выигранный международный конкурс, и месье Менакер – благообразный, совсем седой, склонившийся над ее измученной невралгией кистью руки с поцелуем и омочивший ее теплой слезой. «Вы заставили меня плакать, мисс. Ах, как давно я уже не плакал, слушая виолончель, как же я вам благодарен!» И – вуаля! – на следующее утро она уже сидит, сама на себя не похожа – со слоем матирующей пудры на лице, прямые скучные волосы в свежей завивке – в канадской студии Иси Мюзик. Сидит и лепечет что-то про путь виолончелиста, кремнистую тропу. А рядом стоит царский подарок: одолженный Канадским национальным банком Страдивари, который теперь, когда она стала большим музыкантом, в ее полном распоряжении. И сейчас, в салоне бизнес-класса, баюкающего ее в воздушных потоках, ей кажется, что вот оно – счастье, эта нежная залитая закатным

солнцем ладонь, несущая ее домой, в Питер. Ксения выдохнула, будто легкие грозили не справиться с такой радостью, и глотнула на вздохе шампанского.

- Первый раз в Канаде? – услышала она мужской голос и обернулась.

На нее с улыбкой смотрел сосед: двухдневная щетина, мятая футболка, серые спортивные штаны. Домашний вид. Она смущенно улыбнулась: он, наверное, и чувствует себя тут как дома. Вон, даже в тапки уже переобулся.

- Да. В первый. – Наверное, здесь принято знакомиться с соседями по шикарным креслам. Как было принято знакомиться в плацкартных вагонах поездов дальнего следования и рассказывать попутчикам всю свою жизнь. А может, просто состоятельные люди очень доброжелательны?

- Бизнес? Что-нибудь, связанное с ресторанами. Угадал? – мужчина улыбнулся еще шире.

- Почему с ресторанами? – удивилась Ксения.

- Вы просто с таким удовольствием пили шампанское. Будто в нем понимаете. Я вот – нет.

- Я тоже нет, – Ксения пожала плечами. – Просто такое хорошее пью тоже – в первый раз. – И добавила: – Я виолончелистка.

Как будто ее профессия сразу снимала вопросы о понимании в шампанском. Впрочем, так оно и было.

- Как интересно! – мужчина взглянул на нее сквозь взлетающие вверх пузырьки шампанского в бокале. – Вы – моя первая знакомая виолончелистка. Виталий, – он протянул ей руку.

Ксения неловко пожала ее между креслами:

- Ксения.

– А у меня банальная профессия, – он сделал внушительную паузу. – Тружусь на благо Отечества в Газпроме.

Ксения чуть дрогнула губами. Она могла бы сделать ответное признание: ах, он тоже первый ее знакомый газпромовец, но правда заключалась в том, что она никогда не стремилась знакомиться с мужчинами, каким-то образом связанными с полезными ископаемыми. Из всей вереницы «сырьевиков» ей гипотетически могли быть интересны только те, кто находился в начале этой пищевой цепи: геологи там или нефтяники. Но никак не этот ухоженный и довольный собой гражданин, с которым Ксении сразу стало скучно. Это в ней было от бабки – легкое пренебрежение к людям и не физического, и не интеллектуального труда. Так, дрейфующее офисное животное высшего звена. «Надо выпить еще шампанского, – подумала Ксения. – Мне с ним еще лететь и лететь». Она откинула голову в кудрях, еще хранящих следы вчерашней телевизионной укладки, и слегка захлебнулась шампанским. В ответ Виталий похлопал ее по спине, потом вызвал стюардессу с дополнительным пледом и еще парой бокалов. И так постепенно (шампанского, еще шампанского!) и правда стал Ксении весьма симпатичен.

Утром, проснувшись перед самой посадкой в Пулково, она в некотором смущении обнаружила свою голову на плече у «Газпрома» и, поправив сбившийся плед, вспомнила, что рассказывала за ужином – утка в соусе хойсин, суп из запеченных помидоров, – что теперь очень богата. Месье Менакер, самый главный музыкальный филантроп североамериканского континента, не выдававший свою премию уже несколько лет подряд – такую тоску на него наводила игра конкурсантов, – передал весь накопившийся премиальный фонд ей, Ксении. А плюс к тому она теперь имеет право играть на гениальном инструменте цвета верескового меда – авторства Антонио Страдивари. Страд – как с ложным панибратством зовут эти уникальные струнные ее коллеги-музыканты. На нем играл еще виртуоз Бернард Гринхаус! – похвасталась «Газпрому» Ксения, подчищая соус хойсин корочкой пшеничной булки.

– Он один, наверное, миллионов на десять потянет, – посерьезнел «Газпром» лицом в легкой щетине (это вам уже не музыкальные ля-ля, это уже ля-моны) и скосил глаза на дальнее кресло, в котором по-царски путешествовал в своем дорогущем футляре Страд – страховая компания оплачивала ему билеты в бизнес-классе. Сдавать такой ценности инструмент в багаж было строжайше запрещено. Ксения же легкомысленно отмахнулась пшеничной булочкой.

– Разве в этом дело?! – И она взялась разглагольствовать о тайне страдивариевской древесины: болтали, что Антонио использовал остатки Ноева ковчега, но глупости – просто ель и клен. Ель – ядровая. Янтарная смола подсушена за прошедшие триста лет, но она здесь, и ее хвойный аромат, высвобождаясь вместе со звуком, летит туда, куда только и могут достать острые еловые верхушки в альпийских предгорьях. Это для верхней, звонкой деки. Клен – для нижней, прочной. Звук – солидный, густой, как кленовый сироп, течет внутри виолончели, резонирует от тайных, невидных глазу изгибов... А поверху, над легкой смолой и тяжелой патокой, – слой волшебного лака (рецептура утеряна!), такого тугого и упругого, что он, как живой, затягивает на инструменте любую рану – всякую царапину, вмятинку, скол.

– А что вы хотите делать с премией? – перебил ее заскучавший на поэтических отступлениях «Газпром». – Вложите в ценные бумаги? Или в недвижимость?

Ксения замерла с бокалом в руке, почти нежно взглянула на соседа: ну, конечно! Она еще сама не успела подумать, что делать с внезапно свалившейся на нее бешеной суммой, но ведь, да-да, ей надо вложиться в недвижимость!

– Я куплю квартиру, – сказала она. – Я куплю большую квартиру с видом на воду.

* * *

В зале прилета она потерянной птичкой оглядывалась по сторонам. Снова вынула из кармана мобильный: эсэмэска, посланная во время пересадки во Франкфурте, дошла до адресата. В сообщении она подтверждала: рейс не опаздывает, жди. Но никто ее не ждал, а набрав пару раз Петин номер, она наткнулась на равнодушный женский голос: аппарат абонента выключен. Ксения вздохнула. Ничего, не маленькая, сама доедет. Вяло поторговавшись с приставучим таксистом – в конце концов, она ему не туристка! – Ксения села в забрызганную грязью машину и откинулась на сиденье. Боже, ей еще пилить через весь город! И сама не заметила, как заснула.

А проснулась от вечного, посконного:

– Ну, твою же мать!

Ксения распахнула глаза. Выглянула в окно: такси пыталось пробраться из переулка на набережную канала Грибоедова, но и переулок, и набережная были под завязку забиты машинами.

– Зачем вы поехали через центр? – вздохнула она.

– Сейчас все стоит, – ворчливо возразил таксист.

Ксения без слов пожала плечами – может быть, он и прав. Сама она всю жизнь передвигалась на метро. Там в час пик было тоже тесновато, но путь от дома до консерватории занимал чуть больше получаса. А тут, за те пятнадцать минут, что она сонной совой пялилась в окно, не произошло ни-че-го. Лишь горели сквозь мельчайшую морось красные тормозные огни, да вился седой дымок из выхлопных труб. Тусклое питерское утро. Эстетика перенаселенного города.

От нечего делать Ксения стала рассматривать здание напротив: угловой дом через канал с кофейней на первом этаже. А выше – еще четыре, с большими окнами-эркерами. На последнем – с надписью «ПРОДАЖА» и номером телефона – полукруглый балкончик, окаймленный изысканной железной вязью эпохи модерна. Как раз подходящего размера, чтобы выставить на него столик с двумя стульями и пить утром – кофе, а вечером – вино. Или, к примеру, в июне, когда на город опустится прохлада молочной белой ночи, сесть в обнимку со своим Страдом и играть для полуночных пьяниц, празднующихся туристов и бомжей с Сенной баховскую сюиту номер один. А вот куранту или прелюдию? – Ксения на секунду задумалась, вынимая из кармана мобильник, и набрала номер, указанный на плакате.

– Слушаю! – мужской голос был бодр. Неестественно бодр для такого пасмурного утра.

– Здравствуйте, – Ксения перехватила внезапно вспотевшими пальцами телефон. – Я звоню вам по поводу квартиры на канале Грибоедова.

– 180 квадратов, – отрапортовал голос. И добавил, чуть смущенно, стоимость. Ксения по привычке вздрогнула, но, поймав в зеркале любопытствующий взгляд таксиста, уверенно кивнула самой себе: все в порядке, спасибо месье Менакеру. Ей хватит.

– Когда я могу ее посмотреть?

– Да хоть сейчас, – риелтор стал весел и напорист. – Я только что проводил покупателей, собирался уезжать, но если вы недалеко...

– Я в пробке, совсем рядом. Только у меня чемодан...

– Ничего, – хохотнул риелтор. – Я спущусь и помогу.

Ксения быстро расплатилась с недовольным таксистом – дамочка сама не знает, куда едет, – и строго сказала себе: это будет первая из многих квартир, которые она отсмотрит. Но пыталась она говорить с собой внушительно, по-взрослому: метраж подходит, место – идеальное для работы, на высоте не так шумно...

Риелтор – совсем молоденький мальчик, узенький, с носом-уточкой – уже придерживал дверь ногой. Протянув руку для чемодана, пропустил ее вперед. Ксения вошла, да так и застыла: тут все было иным, чем в ее панельной девятиэтажке на проспекте Большевиков. Лестница с пологими ступенями вела прямо к лифту, а затем, повернув влево, волнообразно его огибала. Взгляд, следуя за изгибом, утыкался в растительного орнамента лепнину высокого потолка. Тот же растительный узор, но уже в металле, украшал дверь лифта. Не без труда вставившись в него вместе с чемоданом и Страдом и несколько смутившись внезапной близости, они с лязгом («Лифт – антикварный», – пояснил, нервно хохотнув, риелтор) вознеслись вверх, на четвертый этаж.

Дверь квартиры была деревянной, выкрашенной облупившейся коричневой краской. Слева и справа, на высоте плеч, торчали проволочками наружу разнокалиберные звонки. Риелтор открыл дверь длинным ключом, вошел, протаскивая за собой чемодан. Ксения, обнимая Страда, шагнула следом. В квартире пахло свежей краской, но стены стояли в грязных оборванных обоях, а потолки – в трещинах и подтеках.

– Новые хозяева затеяли было ремонт, а потом передумали заморачиваться. Живут в Москве, в Питере квартиру купили так, ради прикола, – прокомментировал риелтор. А Ксения смотрела вверх: вокруг убогой лампочки Ильича по плафону шел все тот же мотив: переплетающиеся между собой листья и стебли. Речные кувшинки? Водяные лилии?

– Раньше во всем доме были коммуналки. Эту квартиру выкупили последней. – Ксения шла за ним из комнаты в комнату. Везде царило запустение неухоженного и нелюбимого последними обитателями жилья, но сквозь него, как стебли тех самых кувшинок сквозь толщу воды, пробивалась красота некогда «приличной» квартиры. В холле, заложенный кирпичом, царил камин из бордового с прожилками мрамора. Над каминной полкой танцевала заключенная в медальон алебастровая Терпсихора.

– Камин можно реанимировать, – прокомментировал риелтор. – Этаж последний, почистите дымоход – и вперед. В блокаду, говорят, его использовали.

– Кто говорит? – рассеянно спросила Ксения, выглядывая из того самого огромного окна, что привлекло ее внимание с улицы, – отсюда заваленный строительным мусором и небрежно скрученными, заляпанными краской листами полиэтилена балкончик выглядел не так презентабельно.

– Так жильцы бывшие! Пьяницы все как один, но уезжать отказывались. Вид им, видите ли, нравился, – парень хмыкнул, разом отказав всем пьяницам в чувстве прекрасного.

Ксения подняла взгляд от строительного мусора к куполам Исаакиевского и Казанского соборов. Первый – прямо по курсу, благородного потускневшего золота, окруженный темным, облетевшим к зиме Александровским садом. Второй – справа, в позеленевшей меди. Ниже морем вздымались ржавые железные скаты крыш... Она сможет видеть это каждый вечер, если купит квартиру, подумалось ей, искать свои городские ориентиры, выходить на минутку, чтобы проверить на себе температуру и влажность в этом проклятом зябком климате, где никогда не знаешь, как одеться. И – да, тут много работы, но разве не об этом она мечтала последние пятнадцать лет – о своем жилье, где все будет сделано так, как хочет она, а не мать и бабушка?

– Пару стен можно снести, сделать комнаты попросторнее, – будто подслушав ее мысли, разливался соловьем риелтор. – Паркет мало где сохранился, но там, где есть, он дубовый. Здесь дверь на черную лестницу...

Ксения повернулась к нему, и он резко замолчал, увидев выражение ее лица.

– Я ее беру.

Так и сказала, будто всю жизнь покупала квартиры, как картошку.

Конец

Она думала, что уже ничего не боится. Сложно бояться тому, кто все потерял. И всех. Кроме того, когда жизнь катится к логическому завершению, все чаще начинаешь молить судьбу о смерти, если не легкой, то сравнительно быстрой.

Но все случилось так нелепо и так неожиданно, что в первые секунды она даже растерялась. Тело охватил озноб, на лбу выступил пот. А потом заныли руки и ноги, невыносимым стало прикосновение к телу старой изношенной фланели халата – лишь дотронувшись до мягкой ткани, мускулы под болезненно чувствительной кожей конвульсивно сжимались. Вечерний свет нестерпимо резал глаза – дергались веки, голоса играющих у Пироговых детей казались такими пронзительными, что сводило челюсти. Но хуже всего был именно этот внезапный страх, чувство безысходности, накрывшее ее с головой, близкое тому, что она испытала восемнадцать лет назад. И, вспомнив о том ужасе, мгновенно осветив в своей памяти тот далекий зимний день, она поняла, ЧТО должна сделать. Дойти до телефона. Позвонить, рассказать. Но сделать первый шаг не успела – тело выгнулось дугой, запрокинулась голова в жидких седых кудрях, она упала на пол и забилась в конвульсиях. У Аршининых голосом Серкебаева запело радио: «Море шумит грозной волной», – но она ничего не слышала, вены вздулись на морщинистой шее, глаза бессмысленно уставились в потолок. Боже мой, как страшно! Как невыносимо страшно! На секунду она перестала что-либо чувствовать, а потом увидела себя будто со стороны, лежащей на полу посреди своей комнатухи – болел затылок, ныло все тело. Она попыталась сглотнуть, но ничего не вышло. Серкебаев продолжал проникновенно выводить про ветер и песнь моряка. Откуда-то она поняла, что у нее очень мало времени – его нет на крик, переполох у соседей, вызов врача. А есть только на то, чтобы сосредоточиться и постараться добраться до телефона. Добраться и произнести одну фразу – ее будет достаточно. Обхватив тонкой высохшей рукой ножку шифоньера, она слегка приподнялась, затем встала на колени. Потом, опершись на темное дерево стула – единственного сохранившегося после блокады из еще папиного, «мавританского» гарнитура, сумела подняться. Вдруг вспомнилось, что мамочка ее этот гарнитур не жаловала, считала претенциозным и тяжеловесным. Мамочка не знала, что тяжелое дерево окажет ее

семидесятилетней дочери услугу: не дрогнет, не сдвинется с места, поможет добраться по стеночке до двери. Веки дергались, она снова почувствовала нарастающую дрожь во всем теле. «Давай», – приказала она себе. Телефон висел на стене в коридоре – совсем рядом. Она толкнула дверь, сделала шаг вперед, но не успела никуда позвонить, а вновь повалилась, сотрясаясь в конвульсиях, на пол. Посинело лицо; не только глотать – дышать казалось невозможным. Остановившимися зрачками она видела огрызок химического карандаша, привязанного бельевой веревкой к телефонному справочнику. Карандаш маятником качался перед ее гаснущим взглядом, и за секунды до того, как уйти, она сумела обхватить его непослушными пальцами.

«И в далеком краю песню эту спою. Нам ее пели у колыбели, баюшки-баю», – громче зазвучал бархатный баритон новоиспеченного народного артиста СССР Ермака Серкебаева. Кто-то вышел в коридор.

– Ксения Лазаревна! Господи, да что ж это! – раздался крик. – Сюда, быстрее! Ира, Алексей Ермолаич, помогите!

Но она его уже не слышала.

Маша

Маша держала Андрееву руку и улыбалась.

– Ты же знаешь, на мне все заживает, как на Раневской! – улыбался в ответ Андрей. Под глазами темные круги, и весь он какой-то бледный – как сказала бы ее мать-медик, «пастозный». Пастозный, но живой. Господи... Глядя на него, приподнятого на подушках, с делано бодрым выражением на лице, Маша чуть не расплакалась от умиления и облегчения.

– Ты ему должен много мяса. Он тебя как-никак спас.

– Да? – хмыкнул Андрей. – А я думал, меня спасла твоя мать.

Маша серьезно кивнула в ответ:

– Да, это была их с Раневской совместная операция.

Машина мать действительно поставила Андрееву госпитализацию на особый контроль. Как бы ни был ироничен Андрей, Маша знала: медицинское братство существует. И в этом тайном ордене ее мать уже давно занимала серьезную ступень. Андрей лечился тут не как доблестный оперативник и удалой ловец маньяков, а как родственник Натальи Сергеевны: его прооперировали, а теперь без конца ставили капельницы и кололи восстанавливающие силы препараты, и возлежал он на белоснежных простынях, которые, без конверта в карман младшему медперсоналу, регулярно меняли.

– Она сказала, – криво усмехнулся Андрей, – что я ее зять.

Маша расхохоталась:

– Просто это много более внушительно звучит. Не переживай, она не потащит тебя прямо из больницы со мной под венец.

Но резко оборвала смех, заметив, как вдруг потемнело лицо Андрея:

– Что? Больно?

Андрей помотал головой и уставился в окно. Маша проследила за его взглядом: голая тополиная верхушка. Маша пожала плечами.

– А как твоя мама? – решила она на всякий случай поменять тему. И сразу поморщилась – тема подвернулась неудачная.

– Привезла апельсинов, – Андрей опять криво усмехнулся. – Увидела, что со мной все в порядке, и уехала обратно. В Москве жить дорого, говорит, да и дела у нее: огород, коты и спортивная ходьба с товарками по средам и пятницам.

Спортивная ходьба?!

– Ясно, – Маша не знала, что и сказать. Она уже давно поняла, что Андрей не был любимым сыном. Но чтобы настолько!

– Заявила, что уверена: ты за мной лучше присмотришь, чем она. И что умывает руки.

Маша покраснела:

– Ты, конечно, объяснил, что за тобой смотрит скорее моя мать?

– Не думаю, что ей интересны такие детали, – хмыкнул Андрей. – Ключевое в этом – «умываю руки».

– Ладно, – важно кивнула Маша. – Постараюсь не осрамиться.

– А я тут вот что хотел тебе предложить... – Андрей вдруг сильно покраснел. – Здесь, конечно, не время и не место...

Пип-пип-пип – донеслось сбоку: экран кардиомонитора заметно оживился.

– Что? – Маша нахмурилась: сердечная кривая демонстрировала явную тахикардию. Она взяла его за руку, бросила обеспокоенный взгляд на дверь: может, позвать медсестру? – Что ты хотел предложить?

– Да так, ничего особенного, – стиснул ей в ответ ладонь Андрей. – Руку, сердце. И прочие органы, если они тебе вдруг понадобятся.

Маша смотрела на него остановившимся взглядом – пара секунд ушла на то, чтобы осознать, что он, собственно, имеет в виду.

– Это предложение? – неловко спросила она, чувствуя себя полной идиоткой.

– Ну да, – нервно пожал плечами Андрей. – Я знаю, лучше, наверное, в ресторане, под звук серенады, или там... в гондоле...

– Нет, не лучше, – Маша наклонилась, поцеловала его в щеку. И попыталась улыбнуться, чувствуя, что вот-вот произойдет непоправимое. – Больница, герой восстанавливается после геройства. Жаль только – я не сестра милосердия. И я... – Она взглянула было на своего героя, не отрывающего от нее лихорадочных глаз, и – не выдержала, отвернулась. – Я не готова, Андрей.

– Не готова, – она увидела, как дернулся его кадык. Андрей жалко улыбнулся. – Так я и думал.

– Дело не в тебе, – начала она и сама почувствовала, как фальшиво это звучит. – Дело во мне.

Маша растерянно замолчала – чем дальше, тем хуже.

– Я понял, – кивнул Андрей. Пальцы, дрогнув, ослабили хватку. Машина рука осталась лежать на простыне, никому не нужная, как дохлая рыба.

– Правда? – взглянула на него Маша. Андрей вновь внимательно смотрел на тополиную верхушку. Ни черта он не понял! Маша вновь вздохнула и решила попробовать еще раз. – Мне казалось, у нас и так э... Все хорошо?..

Андрей молчал.

– Ну что ты молчишь? – она злилась, что не может найти нужных слов, да и вообще оттого, что очутилась в этой ситуации.

– Что тут сказать? – он вновь повернул к ней лицо, и оно было ужасно несчастным. – Ты пытаешься, как обычно, привести аргументы. Выстроить логическую цепочку. Только логика тут ни при чем. Это, кхм, территория чувств.

– Тук-тук-тук! – в дверь просунулась голова Анютина. – К вам ревизор! Чтобы, так сказать, узнать, когда окажетесь в строю!

Полковник вошел, вытирая со лба пот – в полиэтиленовом пакете просвечивали оранжевыми боками апельсины. Он поставил пакет рядом с тумбочкой, покосившись на уже принесенные давеча Андреевой матерью те же плоды. Банальное больничное подношение.

– Ну, как вы тут, мои котики? – по-отечески зажмурился он, не замечая ни Машиного смущения, ни Андреевой мрачной физиономии. – Не бойтесь, работать сразу не отправлю. Давайте-ка в отпуск, недельки на три, или даже на месяц. Отдохнете, загорите и – к работе.

– Спасибо, – через силу улыбнулся Андрей.

– Ну-ну, не благодарите! И это, кстати, еще не все! Тебе, Яковлев, премия от начальства, в размере месячного оклада. Танцуй! А тебе, – повернулся он к Маше, – и того больше, старший лейтенант Каравай!

И он смачно расцеловал ее в обе щеки. Маша улыбнулась, но, видно, не так, как положено улыбаться особе, представленной к внеочередному званию.

– Хотела, видать, старшего оперуполномоченного? – он подмигнул. А Маша покраснела – ничего она не хотела и уже открыла было рот, чтобы сказать об этом полковнику, как тот замахал на нее пухлой ручкой: – Хотела, хотела, не спорь! И заслужила, звезда ты наша. Но, если б стала старшим опером, с кем бы в команде пришлось работать, сама подумай, а?

Маша беспомощно обернулась на Андрея и увидела, что тот, красный как кумач, смотрит в пол. А осознав, в чем дело, сама опустила глаза, злая на себя, на Андрея и на довольного собой полковника, поставившего, о том и не подозревая, их с Андреем в еще более неловкое положение.

– Я, наверное, пойду, – кивнула Маша начальству и клюнула в щеку зардевшегося Андрея. – Выздоровливай.

Андрей пробормотал что-то неразборчивое, Анютин проводил ее ласково-благодарным начальническим взглядом, а она вырвалась в прохладу больничного коридора. Где воздух, казалось, был легкий и пах свободой. Свободой от принятия решений. И почти бегом поспешила на улицу.

Зачем только он задал ей этот вопрос?

Андрей

Зачем только он задал ей этот вопрос? – думал он, рассеянно слушая полковника, не без труда разместившего свое обширное сидалище на больничном стуле.

– Блестящая девка, просто блестящая! Кто бы мог представить, что нам так повезет, а? Думали, очередная блатная. А тут – и знания, и нюх, и хватка какая! За полтора года из соплихи в такого профессионала выросла... – Он заметил наконец, что Андрей никак не реагирует. – Эй, с тобой все в порядке? Ты, вообще, как себя чувствуешь?

– Вообще – не очень, – честно ответил Андрей.

Полковник нахмурился:

– Что? Поругались?

Андрей с удивлением воззрился на начальство – и когда успел догадаться? Пока дифирамбы пел или о премиях разглагольствовал? Кстати, о премиях.

– Я так понял, вы решили попридержать коней и не давать ей новой должности, чтобы меня не смущать?

Анютин повел пухлым плечом, на секунду задумался... Андрей невесело усмехнулся: что ж, заминка с ответом – это тоже ответ. Он прикрыл глаза и монотонно продолжил:

– Вы не дали ей новую должность, потому что старшим операм положена своя группа, и таким образом мы бы стали на равных. Решили не портить нам отношения соперничеством? Или считаете, что она скоро и эту должность со званием переплюнет, и кирдык тогда придет нашей большой и чистой любви?! Хотели меня побережь?

– Глупости, – полковник наконец собрался с мыслями. – Не повысил я ее потому, что она действительно перестала бы работать с тобой в тандеме. А мне ваш тандем ценен. Он, если хочешь знать, по-своему уникален.

– А по-моему, он уникален только тем, что в нем есть Мария Каравай, – усмехнулся Андрей, глядя на свои руки, сцепленные над одеялом. – Опытных оперов в угро, слава богу, еще хватает.

– Боишься? – вдруг мягко спросил полковник. И Андрей даже прикрыл глаза – настолько это было в точку.

– Боюсь, – сглотнул он.

– Терпи, – голос полковника чуть дрогнул, и Андрей понял, что тот улыбается. – Хочешь быть с Каравай – терпи. Эта девочка того стоит.

– Я-то потерплю, – повернул к собеседнику бледное лицо Андрей. – А она-то долго станет меня терпеть?

Не ожидая, что тот ответит, он прикрыл глаза, почувствовав вдруг, что смертельно устал от сегодняшних эмоций.

Маша

Маша уже подошла к своему подъезду, а так и не выстроила в голове страстной речи к Андрею. Под заголовком «Почему нам не надо жениться». Она вздохнула. Взглянула на желтый прямоугольник окна: мамина тень двигалась за занавеской. Мама! Вот кто сможет ей помочь – у нее есть опыт в таких делах, да и вообще – мама намного больше женщина, чем Маша. Она тактична, сможет красиво обставить Машин отказ, поговорит с Андреем, и... Маша, зайдя в лифт, на секунду отвлеклась. Нет, с Андреем она поговорит сама, и, каких бы отличных советов ни давала мама, разговор будет неловким. Зачем?! – задавала она в сотый раз вопрос Андрею. Зачем жениться, если им и так замечательно вместе? Детей они пока заводить не собираются, быт их, при всем его обаянии и наличии половозрелой собаки, не отличается устроенностью... Почему любовь требует каких-то официальных рамок, разве они нужны – на этом-то этапе? Приготовившись задать матери свой сакраментальный вопрос, она открыла дверь... И чуть не полетела на пол, наткнувшись на чемодан, стоящий в прихожей.

– Маша? – откликнулась на грохот из глубины квартиры Наталья.

– Я, – потирая коленку, Маша вошла на кухню и резко остановилась, увидев материно расстроенное лицо. – Что случилось? Только предупреждаю, лимит эмоциональных потрясений у меня на сегодня уже исчерпан...

– Звонила твоя бабка. Умерла Ирина Леонидовна, – мать вздохнула, тяжело опустилась на табуретку. – Послезавтра отпевают. Ничего не говорит – но ты же знаешь, как это. Запах корвалола бежит по телефонным проводам.

Маша опустилась на стул рядом, сразу забыв про коленку. Ирина, близкая бабкина подруга, была уже второй «боевой потерей» – как называла Любочка смерти своих ровесников – за месяц. Пару недель назад машина сбила Раечку – бегущую на очередное свидание веселую вдову, что крутила романы и в восьмидесятилетнем возрасте. Теперь вот – снова похороны.

– Я поеду. Попытаюсь подбодрить, – мать расстроено пожала плечами. – Она, конечно, держится молодцом, но ты же понимаешь, это как...

– Это как темная дыра: натыкаешься на нее в памяти – и каждый раз больно, – подхватила Маша.

Мать вскинула на нее глаза. Маша грустно улыбнулась в ответ. В их семье темные дыры были не редкостью. Они помолчали.

– Я поеду, – вдруг сказала Маша. – Мне предложили отпуск. Недели три-четыре могу пожить в Питере.

– А как же Андрей?

– Андрей уже почти здоров, – отвернулась Маша. – Скоро выпишут. Только я тебя прошу – съезди на дачку, покорми Раневскую. Он там у соседей, но не уверена, что они его кормят досыта. Он все-таки очень прожорлив.

* * *

Стемнело еще на Южном кладбище. Провожавшие возвращались от свежей могилы по главной аллее, спотыкаясь в ноябрьской грязи. В автобусе, везшем их на поминки аж в район проспекта Большевиков (Любочка, подозревала Маша,

такие окраины и за Петербург-то не держала), разговаривали вполголоса. Маша сидела тихо, прижавшись к замершей в скорбном молчании бабке. Любочка была сама на себя не похожа – словно эта смерть лишила ее всегдашней живости, кожа на лице истончилась, став почти пергаментной, ввалились щеки. Маша посматривала на нее с беспокойством, нащупывая в кармане пузырек с сердечными каплями и размышляя, не стоит ли попытаться отговорить бабку от поминок. А вместо этого сойти с автобуса и отвезти Любочку домой, где уложить в постель и дать принять что-нибудь посущественнее корвалола. Но, глядя на скорбно сомкнутый тонкой линией рот, не решалась озвучить свое предложение.

Трехкомнатная квартира на Большевиков, несмотря на занавешенные белыми простынями зеркала и общую, совсем не праздничную атмосферу, оказалась очень уютной. Здесь жили три поколения женщин: сама Ирина, ее дочь Нина и внучка Ксения. Нина, толстушка с опухшим от слез лицом, сновала из кухни в большую комнату, где постепенно, негромко переговариваясь, рассаживались гости. Внучку же Маша нашла на кухне и предложила помощь, отметив, что та не похожа ни на мать, ни на покойную ныне бабушку: высокая, густые темные волосы забраны в гладкий хвост. Крупный нос с тонкой переносицей и глаза за круглыми очками с сильной диоптрией придавали ей сходство с большой доброжелательной птицей. Благодарно кивнув, Ксения передала Маше блюдо с фаршированными помидорами и тарелку бутербродов.

Маша понесла их в комнату, застав за поминальным столом беседу между Любочкой и Тоней, одной из последних «могиканш» – оставшихся в живых бабкиных подруг. Антонина, не изменившая ни своему драматическому макияжу – кровавый рот, подведенные темным глаза, – ни склонности к выпивке, уже налила водки и Любочке. Маша хотела было что-то сказать, но заметила, как порозовели у бабки щеки, и осеклась.

– Нам бы с тобой такую смерть, – Антонина взяла с принесенной Машей тарелки бутерброд со шпротами. – Раз – и в дамки! Мечта! И заметь – сердце прихватило не от неприятности какой, которых в нашей старушечьей жизни – ковшом черпай, а от радости! Смерть от счастья – тебе самой-то не завидно?

– А что за радость? – Любочка кивнула подруге, позволив нацедить себе вторую рюмку, и подмигнула Маше, напустившей на себя по этому поводу строгий вид.

– А ты не в курсе? Она мне все уши прожужжала! Ксюшка ее первое место взяла на Монреальской «Золотой скрипке», плюс призовой фонд и игрушка от

Страдивари.

– Молодец какая! – кивнула Любочка и, заметив зашедшую в комнату Ксению, поманила ее рукой. – Милая, – сказала Машина бабка, когда Ксения присела рядом на кончик стула, – можешь держать нас за циничных старух, но для тебя жизнь продолжается, а Ирочка наша была счастлива перед смертью, и это счастье обеспечила ей ты!

Она похлопала Ксению по плечу и ласково улыбнулась, но та в ответ вдруг издала горлом хрюкающий звук, взмахнула белоснежными длиннопалыми руками, закрыла лицо и – разрыдалась.

– Девочка моя! – испугалась Любочка, сразу бросившись вытирать текущие между пальцев слезы платочком, который заложила перед похоронами за манжету своей черной «похоронной» кофты. – Прости меня, старую дуру, за бестактность.

Она растерянно взглянула на Машу, и та встала, осторожно приподняла Ксению за плечи:

– Давайте я отведу вас в ванную.

И Ксения послушно пошла, чуть запинаясь на ковровой дорожке.

– Вы не понимаете. Никто не понимает, – глухо сказала она. – Это я ее убила.

Ксения

Ксения повесила махровое полотенце, которым только что с силой вытерла заплаканное лицо:

– Простите.

И повернулась к девушке, которая терпеливо ждала окончания ее истерики, сидя на краю ванны. Девушка приходилась внучкой Любове Алексеевне – одной из лучших бабушкиных подруг. Бабушка говорила, что она унаследовала Любочкин талант видеть истинную суть вещей. И еще – что работала в Москве не то следователем, не то еще кем-то в полиции. Чужой, враждебный Ксении мир. Но сама внучка казалась милой: почти одного с ней роста, тоже не красавица, но излучающая спокойное доброжелательство.

– Ничего, – кивнула в ответ на ее извинение девушка. – Я Маша.

– Я в курсе, – соврала, бледно улыбнувшись, Ксения. На самом деле она не знала ее имени. Да и если знала бы – забыла. Она последние дни с трудом передвигала ноги в густой взвеси из чувства собственной вины и тупой боли. Тут не до усилий памяти.

– Это нормально – чувствовать себя виноватой, – девушка неловко улынулась в ответ, – но вашей вины тут нет: радость тоже может привести к смещенным сердечным ритмам.

– Вы ничего не знаете, – Ксения тяжело опустилась на край ванны, будто заново оглядев свой быт: прищепки на развешанных над ванной веревках, как птички на проводах, зеркальце шкафчика над раковиной, в котором отражается стенка в бело-желтый кафель. – Дело тут совсем не в радости. Я захотела купить ту чертову квартиру. Ведь слышала же много раз, что она жила в этом переулке в конце пятидесятых, но как-то не придавала этому значения – мало ли квартир, переулков-то длинный...

– Вы купили квартиру, в которой жила ваша бабушка?

– И не только она – еще много кто. В коммуналках в послевоенные десятилетия людей было как сельдей в бочке. Но ведь прошло больше полувека, я не понимаю... Я не понимаю, отчего тут было падать с инфарктом?

Она повернулась к Маше, та смотрела на нее со спокойным вниманием.

– Вы уверены, что именно новость о квартире вызвала такую реакцию?

– О! – усмехнулась Ксения. – Тут не ошибешься. Она закричала, что ноги ее там не будет и чтобы я не смела ее покупать.

– А вы?

– А я просто стояла, как дура, и смотрела в остолбенении, пока она не схватилась за сердце, и тут мы вызвали «Скорую», – Ксения вздохнула. – Вы не знаете мою бабушку – она же кремень, скала. Выдержанная. Химик, не лирик. Логика прежде всего. Она меня все детство этим доканывала. А тут... Какой-то фонтан эмоций.

– «Скорая» опоздала?

– Нет, приехала вовремя. Было поздно, пробок никаких. Доехали до больницы. Потом нас с матерью оттуда вытурили – мол, возвращайтесь завтра. В такси мы поругались – ну, у нас это частое явление. – Ксюша машинальным жестом ощупывала фаланги своих длинных, без маникюра и украшений, музыкальных пальцев.

– Мама вас в чем-то обвиняла?

Ксения кивнула:

– Не без этого. Хотя зря она. Мы обе ничего такого страшного не знали о той квартире. Наоборот, бабушка всегда говорила, что жили они в коммуналке крайне дружно. Прямо одна семья. Ну и вот. Я вышла из такси, поймала частника, и как бес в меня вселился – дала ему адрес на канале Грибоедова. Ключей у меня не было, но повезло – вошла вместе с каким-то мужчиной. Он поехал на лифте, а я поднялась пешком. Света на последнем этаже не оказалось. Пришлось нащупывать в темноте ступени, одну за другой – это несложно. В старых домах они удобные, пологие. Добралась до двери. А там... знаете, эти древние кнопки коммунальных звонков?

Девушка отрицательно покачала головой. Ну конечно, мельком улыбнулась ей Ксения, она же москвичка. В Москве, наверное, такого безобразия в центре уже не осталось.

– Жутковатое для непосвященных зрелище: разных размеров, форм и эпох, в следах краски, вокруг торчат разноцветные скрученные проводки. И рядом обычно такие типа таблички, а то и просто бумажки наклеены – где чей звонок. С 1960-го немало воды утекло, много обитателей сменилось, я не особенно надеялась на успех. – Она бросила взгляд на Машу, но та слушала с интересом. – Включила фонарик на мобильнике, стала отдиравать эти позднейшие наслоения: ногтями, ключами от своей квартиры. Со стороны это выглядело очень странно, наверное, – Ксюша усмехнулась. – Приличного вида девушка поздним вечером стоит в темноте рядом с пустой квартирой и сосредоточенно ковыряет вокруг никому уже не принадлежащих звонков. И нашла ее.

– Кого? – девушка смотрела на нее без улыбки.

– Фамилию. Фамилию моей бабушки. Она у нее очень редкая – Аверинцева.

– Красивая фамилия.

– Да. Была, – Ксения пожалала плечами. – Она фигурировала на одной из потертых медных табличек. Знаете, раньше кнопки звонков были не у каждого обитателя квартиры, а одна на всех. Приходилось писать фамилию, а напротив – сколько раз звонить. Рядом с фамилией моей бабки были еще шесть фамилий – шесть семей. Вот, я их записала на мобильный, – и Ксения протянула девушке телефон.

– Бенидзе – 3, Пироговы – 2, Аверинцева – 4, Аршинины – 1, Лоскудовы – 5, Коняевы – 6, – прочла та и подняла на Ксению глаза редкого, светло-зеленого колора. – И что вы хотите с этим делать дальше?

– Я хочу найти этих людей, – сглотнула Ксения. – Хочу спросить их, что тогда произошло. Почему полстолетия спустя моя бабка из-за одного воспоминания об этой чертовой квартире получила инфаркт?

Девушка помолчала.

– Велика вероятность, что все эти люди уже мертвы.

– Да, – кивнула Ксения. – Но я все равно хочу попробовать. А знаете, что произошло после?

Маша молча покачала головой.

– У меня села батарейка на телефоне. А когда я вернулась домой, матери дома не было. Ее срочно вызвали в больницу. Мама... – Ксения вдруг почувствовала, что горло вновь сжимается в спазме. Невыносимо защипало глаза, губы постыдно задрожали. – Мама успела попрощаться с бабушкой, а я нет! Я – нет! Меня не было дома, и мой телефон отключился – слишком долго светила в эту дверь, звонки разглядывала! Я даже не смогла у нее попросить прощения – хоть и сама не знаю, за что! И опять из-за этой чертовой квартиры!

Маша

По дороге домой Маша не переставая думала о «чертовой квартире». Ей было искренне жаль эту лауреатку международных конкурсов – она легко могла примерить ситуацию на себя. Потерять Любочку, да еще и так внезапно. Чувствовать себя виноватой и не иметь возможности даже попрощаться, задать последний вопрос...

– О чем это вы там шушукались в ванной, девочки? – Любочка смотрела на Машу с грустной улыбкой. За окошком такси проплывали новостройки – им еще предстояло перебраться на свой, левый берег. От окраины – к центру. Любочка, несмотря на тяжелый, заполошный день, выглядела много лучше, чем утром. Они с Антониной, будто две волшебные батарейки, все еще подзаряжали друг друга энергией при встрече. И слава богу.

Маша вкратце рассказала историю покупки старой коммуналки на Грибоедова. Любочка внимательно слушала, глядя перед собой. А выслушав до конца – кивнула.

– Ты что-нибудь об этом знаешь?

– А... – бабка прикрыла глаза. – Никаких деталей. Знаю, что случилась какая-то очень неприятная история. Иру огульно обвинили, она, гордая душа, решила не оправдываться, а просто съехать. Мужу ее, Сергею, он был военный, дали квартиру – а Ирочка как раз ходила беременная Ниной. Нина родилась уже

рядом с Фрунзенской, в темной халупе на первом этаже. Потом, уже в девяностых, удалось обменяться на трехкомнатную на проспекте Большевиков. Такая вот нормальная квартирная одиссея советского времени.

– И ты ни с кем из этих людей не знакома? Я имею в виду, из обитателей коммуналки на Грибоедова?

– Увы! Ирочка ни с кем из них не общалась. Что само по себе показательно. Бывшие коммунальные соседи часто, бывает, перезваниваются, встречаются на праздники... Но не в этом конкретном случае.

– Мне хочется ей как-то помочь, – призналась Маша. – Там, среди фамилий, которые она отыскивала на двери, есть и редкие. Вполне можно найти через адресный стол.

* * *

– Господи, я ушам своим не поверила! – женщина с тяжелой, с проседью, косой, уложенной короной на голове, держала Ксению за обе руки – будто боялась отпустить. Ей было уже около семидесяти, но огонь в карих глазах, излом темных губ, царственная осанка – все выдавало в ней, нет, не пенсионерку – южную красавицу.

Ксения смущенно повернулась к Маше:

– В базе данных в Интернете я нашла трех Бенидзе. И просто набрала по очереди все три номера. Попыталась объяснить, кто я.

– А я, когда услышала, что это внучка Ирочки Аверинцевой, зарыдала белугой, еще до того, как узнала о ее смерти. Спасибо тебе, родная, что позвала на девять дней.

За поминальным столом собралось в этот раз уже много меньше народу: Маша с бабкой, все та же Антонина, пара бывших сотрудников Ирины Леонидовны по заводу грампластинок. Рядом с Ниной сидел неясный сидящий тип – то ли бывший ученик, то ли аспирант покойной еще в эпоху ее преподавания в Технологическом институте. Тамара Бенидзе весьма оживляла пейзаж – она

совсем не знала Аверинцеву как бабушку, мать, строгого преподавателя. Но помнила ее еще юной девушкой, получившей по распределению от института полуслепой закуток в их коммуналке, часть некогда большой комнаты – барской гостиной.

– Ксения Лазаревна, бывшая хозяйка квартиры, ее очень привечала, – Тамара с мягкой улыбкой переводила взгляд с Нины на Ксению. – У нее же, сироты, и мебели-то никакой не оказалось. Топчан ей отдали Пироговы. А старуха уступила этажерку, да и подкармливала потихоньку, что уж греха таить! Зарплаты ж тогда были копеешные. Знаете, Ксения Лазаревна была добрым духом нашей коммуналки: никакой обиды на судьбу, горечи, или высокомерия – мол, живете в моих бывших хоромах. Нет! Смирение, дружелюбие, такт удивительный... Больше таких людей не делают, вот уж правда – из «бывших». А она ведь и войну в Ленинграде провела – так и не бросила дом. Внучку с дочкой потеряла, но не озлобилась. И ваша мама, – дотронулась она до Нининой руки, – ей, наверное, как дочь была. Правда-правда. Помню, вечером иду в ванную мимо кухни, а там уже чайник всюю кипит, и Ксения Лазаревна несет его в свою комнатку, чай Ирочке заварить. Покупала пирожное «картошка» в «Севере» на Невском и ждала ее, никогда спать одна не ложилась, переживала, когда та задерживалась. Все говорила, что завещает Ирочке и комнату, и все, что в ней. Хоть по закону тогда завещать было невозможно, не знаю, как уж она хотела все устроить... Вот почему, когда это случилось, мы на Ирочку и подумали.

– Что случилось, Тамара Зазовна? – это встряла, не выдержав, Любочка.

– Ну как же... – смугло порозовела высокими скулами Бенидзе. – Вы не знаете?

Она обвела сидящих за столом вопрошающим взглядом. Все молчали.

– Старушку Ксению Лазаревну убили. Отравили крысиным ядом. Ужасная смерть. И все были дома, понимаете? Все могли. Но только у Ирочки была и возможность, и...

– Мотив, – в наступившей звенящей тишине закончила Маша.

Тамара. 1959 г.

Дорогой, куда поехал?

Дорогая, в Ленинград.

Дорогой, и я с тобою.

Дорогая, очень рад.

Ленинградский фольклор

Мамочка заметно нервничает. Поцеловав ее с утра, я почувствовала аромат персикового масла. Значит, намазалась кремом «Огни Москвы», которым пользуется только в особенных случаях – на выход, больше для создания настроения, чем для красоты. Подождала, пока он впитается в кожу, слегка похлопывая кончиками пальцев. Встряхнула флакончик духов. Дотронулась хрустальной пробкой до запястья, оставив тонкий нежный след – никаких «Красных Московей», как она их называла, настоящие французские духи (заветная бутылочка с бантом выменяна папой у счастливиц, оттанцевавших в Будапеште). Сложила узел тяжелых волос на голове. Надела платье – не из парадных, но ей очень шло, подчеркивая талию в «рюмочку». На шею – косыночка из крепдешина: красные цветы по белому полю. Шляпка из панбархата с вуалькой. Из того же черного панбархата – воротник широкого пальто с накладными карманами и – завершающий удар, туфельки на небольшом каблучке – холодновато, но не влезать же в боты!

– Решила сразить новых соседей наповал? – усмехается папа, усаживая нас в такси.

– Второго шанса произвести первое впечатление не будет, – оглядывает нас критическим взглядом мама. Мы с папой недотягиваем до ее элегантности, но мамиными усилиями составляем достойный второй план. Папа называет это «галерка». Или «семейные галеры» – по обстоятельствам.

Сегодня мы переезжаем в новую комнату, в новую квартиру – на Грибоедова, совсем недалеко от папиного места работы – Кировского театра. Новую школу мама мне тоже уже присмотрела.

Войдя в парадное, мама благосклонно оглядывает лифт, чуть менее благосклонно – поцарапанные стены.

– Раньше такого на лестницах не было.

– Раньше и небо было посинее, – примирительно говорит отец.

– Раньше дворники закрывали парадные на ключ и дежурили ночами, а теперь все распустились. Никакого контроля.

Мы с папой переглядываемся, он подмигивает: за мамой всегда должно оставаться последнее слово. В любом случае – мне наплевать на лифт.

– А девочки в квартире есть моего возраста? – не выдерживаю я.

Мама поводит плечом:

– Мало тебе будет школьных подружек?

Я опускаю глаза: еще неизвестно, какие они окажутся – эти подружки из новой школы. И будут ли?

Дверь открывает полная женщина с темными усами над верхней губой, в папильотках и халате. Мама с незнакомкой внимательно оглядывают друг друга, и по тому, как мама выпрямляет и без того прямую спину, я понимаю: счет 1-0 в мамину пользу. Стратегия удалась. Перевожу взгляд на папино лицо – очень серьезное, а глаза – смеются.

– Лали Звиадовна, а это – мой муж, Заза Отарович. Дочь, Тамара, – мама умеет представляться так, как будто за ее именем-отчеством следует королевский титул. Я чувствую себя неуютно, исподтишка оглядывая квартиру: большая прихожая с камином, дальше – уходящий в полутьму коридор с множеством дверей. У дверей стоят тумбочки, калошницы. Справа висит телефон, над ним – велосипед. Где-то в глубине бубнит мужским голосом радио: «...а к 1965 году увеличение общего объема выпуска продукции. За семилетие на предприятиях города предстоит выпустить только паровых, газовых и гидравлических турбин...»

- Вытирайте ноги хорошенько. Пока ваши грузчики едут, покажу вам тут... Меня Галина Егоровна зовут. Пирогова. - И проходит вперед, перебирая толстыми ногами в тапках на лосевой подошве. Указывает на телефон: - Плата - по числу проживающих, независимо от количества переговоров.

Мама кивает - мол, в курсе. Одобрительно оглядывает просторную прихожую - сейчас часто даже из коридора умудряются комнатушку выгадать.

- Это, - показывает Пирогова на первую дверь направо, - комната Ксении Лазаревны. Там же - Иришина, проходная. Здесь мы живем, - она распахивает двойные створки следующей двери.

За столом у окна сидят упитанный рыжеватый мальчик лет десяти и девочка - светлые крысиные косички уложены жидкой корзиночкой, по виду первоклашка - и едят суп.

- Ленка, Валерка, поздоровайтесь, - приказывает Галина Егоровна.

- Здравсте, - гнусаво говорит мальчик.

- Добрый день, - мама вежливо улыбается, но улыбка застывает, наткнувшись на ковер с оленями. Мама их ненавидит.

- Телевизор, - неправильно истолковав ее взгляд, с гордостью поясняет Пирогова. - Мы в квартире единственные с ним... - она поднимает вопросительный взгляд на маму, и мама вскидывает голову.

- А мы решили пока не брать. Времени вечерами мало - поговорить, журнал почитать, вот уже и спать пора.

Счет, похоже, сравнялся: 1-1.

- Ясно, - усмехается Пирогова, поправив халат на большой груди. - Ну, если найдете время, приходите.

А мама вдруг вздрагивает - девочка с жидкими косичками оказывается рядом, хватает ее за руку. Кончик тоненького носика чуть дергается, как у лисички,

глазки с бесцветными ресницами блаженно прикрыты:

- Вкусно.

Мама испуганно дергает рукой. Пирогова краснеет:

- Ленка, а ну иди уроки делай!

И на вопросительный взгляд мамы поясняет:

- Больно она у меня до запахов охочая. А у вас духи редкие, наверное?

Мама сдержанно кивает.

- Грез, «Кабошар». Новый парижский аромат.

Это момент маминого торжества – она даже благосклонно смотрит на девочку, отошедшую на пару шагов, но продолжавшую буравить ее серыми глазками. Это уже даже не 2-1, а окончательная победа. Не зря папа на них всю зарплату ухнул!

А Пирогова, кивнув с деланой небрежностью – мол, подумаешь, французские духи, – закрывает дверь и показывает квартиру дальше.

- Здесь комната Анатолия Сергеича с Зиной, познакомитесь. Славные люди.

Мы идем полутемным коридором, завешанным тазами, стиральными досками, цинковыми ванночками, лыжами и велосипедами. За комнатой неизвестных Аршининых оказывается кухня, где стоит – курит в форточку спиной к нам – крупный мужчина в пижаме х/б в полоску. Это он слушает радио. Внимательно, как сводку с фронтов.

- Муж мой, – с гордой нежностью указывает на него Пирогова, – Алексей Ермолаич. Кухню потом покажу. Тут, – она нажимает кнопку выключателя в конце коридора, – наша ванная комната. Стирать можно, но не в ванне. На кухне – в порядке исключения, только когда ванная занята, и по мелочи.

Папа присвистывает – ванная комната облицована красивым белым кафелем.

– Супруг мой, золотые руки, печку на кухне разобрал. Чего зря место-то занимает? А кафель использовал. Теперь у нас тут дворец. Мелким ремонтом в местах общего пользования тоже он занимается. На общественных началах, – Пирогова и не подозревает, что наносит сейчас удар по моему папе. Я боязливо гляжу на маму – но она будто не услышала. – Но тогда я пропускаю свою очередь на уборку. В туалете соблюдаем гигиену – там у нас памятка есть. Собаки-кошки у вас имеются?

Мама качает головой.

– Вот и отлично. Не люблю животину в доме. Дальше, слева по коридору – Лоскудовых комнатка и Коняевых. Ваша, значит, первая, сразу за прихожей.

– А девочки моего возраста есть? – не выдерживаю я.

– Нет. Кроме Лешки, все помладше тебя будут. У меня вот двое, у Аршининых – Аллочка, совсем малышка. Да у Лоскудовой – два пацана. Младший, Колька, с моим Леркой погодка.

– Много народу, – улыбается мой папа. Когда папа улыбается, все улыбаются в ответ. Вот и эта, Галина Егоровна, не выдерживает: впервые расплывается в улыбке – заиграли сдобные ямочки на щеках, блеснула в глубине рта железная коронка.

– Тю! Разве ж то много? Нонче, бывает, и по сорок человек в одну жилплощадь набито. До войны-то да, людей так не вселяли. Да и контингент (она произнесла «континхент», мамины губы дрогнули) совсем другой был. Сейчас-то все с деревень своих понаехали, – и она махнула большой рукой.

Отец серьезно кивает. Мать же, чтобы спрятать улыбку, опускает глаза и вдруг садится на корточки, подметая широким подолом пол. Смотрит снизу вверх на изумленную Пирогову:

– Это же дуб?

- А леший его знает! - пожимает та плечами.

- Это дуб, - мама поднимается, брезгливо отряхнув пальцы. Галина Егоровна застывает лицом. Мы с папой переглядываемся: не станет же она с ходу критиковать чистоту квартиры?

- Благородное дерево, - вежливо улыбается папа.

- Вот именно, - мама вздыхает. - А его тут моют по-деревенски - с водой и мылом.

Пирогова краснеет, но ответить ничего не успевает, в дверь звонят: громко, требовательно.

- А вот и грузчики, - облегченно вздохнув, говорит папа. И правда.

Грузчики заносят буфет, книжный шкаф и письменный стол, из кухни на звук выходит Пирогов - бритый налысо, но с рыжеватыми усами щеточкой. Предлагает сразу быть на «ты», хлопает папу огромной лапицей по плечу: прости, друг, но отчеств ваших без пол-литры не произнести! Папа улыбается в ответ - обещает на новоселье как следует выпить на брудершафт, чтобы, значит, больше с отчествами не мудрить.

Мама открывает дверь в комнату, и мы все трое ахаем, такой она кажется просторной и светлой после общежития. Прямо бальная зала. Но потом грузчики вносят мебель, и начинается. Мама без конца заставляяет грузчиков с папой и Пироговым все переставлять, чтобы кровать была прикрыта от дверей буфетом, но тогда я с трудом могу протиснуться к письменному столу, а Пирогов покрикивает:

- Права твоя хозяйка, пусть хоть закуток останется, будет чем заняться! - и подмигивает маме, отчего она одновременно напускает на себя серьезный вид и розовеет. Так они двигают тяжелый буфет туда-сюда, пока мама не остается довольна. Пирогов уходит, пожав руку папе, а папа поворачивается к маме и встречается со взглядом Снежной королевы.

- Что? - сразу пугается папа.

– Зачем было его звать перетаскивать мебель? – шипит мама, оттеснив папу в только что с таким трудом отвоеванный закуток. Я вздыхаю: началось. Мама нанервничалась со сборами и переездом. А отдуваемся всегда мы. Сегодня – папа.

– Так он сам свою помощь предложил – неудобно как-то отказывать, – разводит руками папа. Наивный – он еще надеется на мир.

– Думаешь, этот вахлак не успел всего разглядеть?!

– Господи, да кто там смотрит на твои вензеля! – Когда папа нервничает, акцент его становится еще сильнее, чем обычно.

Выходить из комнаты в чужой коридор не хочется. Я смотрю в огромное окно без занавесок: стекла давно не мыты, отчего вид на крыши и двор кажется старой запыленной картиной. Грустной картиной.

– А мы теперь всегда будем его звать – переезд же! Много чего придется приколачивать, вешать! Как противно быть всегда обязанной!

– Да я сам все прибью, – хорохорится папа.

– Знаю я, как ты прибьешь! – мамин шепот становится похож на змеиное шипение, но мне кажется, она кричит. Теперь уже – по-грузински: думают, я не понимаю. – Себе по пальцам! Не мужик, смех один!

Я дергаю за раму – хочется высунуться в окно, чтобы не слышать, не дышать этой ненавистью. Но створки давно не открывали, старая рама ссохлась.

– Я, Амилахвари, – раздается из-за буфета, – вынуждена терпеть...

На этой фамилии, звучащей у нас как заклинание злого волшебника, я не выдерживаю – быстро пересекаю комнату, толкаю дверь в коридор. Там темно. Я делаю шаг вправо и прислоняюсь к стене. Закрываю глаза. Теперь можно сосчитать до двухсот и вернуться обратно. Должно хватить.

Дзи-и-и-нь! Резко зазвонил телефон, я вздрагиваю. Дверь в комнате в глубине коридора открывается: мальчик в клетчатой рубашке, чуть постарше меня, не включая света, делает пару шагов вперед и берет трубку.

- Алло, - говорит он. - Это он и есть. Нет. Не буду я этим заниматься. И не проси.

Ксения

Назавтра мать захотела разобрать бабушкины вещи. Ксения попыталась возразить, мол, она не готова, не лучше ли дождаться сорока дней? Но мать планировала выйти на работу - и настроена была весьма решительно. Делать нечего, Ксения толкнула дверь в бабкину спальню, да так и застыла на пороге: солнце, внезапно вышедшее из-за туч, делало комнату живой, обитаемой. На прикроватной тумбочке с тихим жужжанием горел огонек озонатора: пахло свежестью, накрахмаленным бельем, чуть - нафталином.

- Начинаем, - мать слегка толкнула ее в спину. Слева, аккуратно застеленная зеленым пледом в крупную черную клетку, стояла кровать. Над ней висели книжные полки. Ксения с тоской посмотрела на знакомые с детства корешки. Справа расположился огромный платяной шкаф с раздвижными зеркальными дверцами - подарок матери на бабушкин день рождения. Бабка втайне от дочери его ненавидела - время, когда она хотела любоваться собой в полный рост, по секрету говорила она Ксении, давно прошло.

Мать решительным жестом оттолкнула в сторону створку шкафа: в кажущемся огромным пустом пространстве сиротливо висели бабкины платья, пара костюмов, на полках лежало аккуратно сложенное белье, кофты. Ксения закрыла глаза: она не сможет этого сделать, просто не сможет!

- Надо отложить кое-что, если хочешь сохранить на память. Потом, на сорок дней, отдадим какие-то вещи подругам, а оставшееся отправим в дом престарелых.

Ксения избегала смотреть на мать. Что скрывается за этой деловитостью? Боль? Или она просто хочет как можно быстрее избавиться от бабкиного присутствия в

своей жизни? Яркого, но и доминирующего над ними обеими, как всегда доминирует сильный характер над характерами слабыми? Но как бы обернулась их жизнь, не будь ее рядом? Смогла бы мама засадить Ксению за инструмент так, как это сделала бабушка? Бескомпромиссно, с твердой уверенностью – еще до всех этих конкурсов, – что внучка – талантище и ее надо тянуть к вершине, наперекор детскому упрямому сопротивлению и вечной ребяческой лени? А сама Нина – разве не стала химиком только вслед за своей матерью? И та позволила, взяла под крыло, «сделала» из нее кандидата наук. Они обе – бабушкины солдаты, она – их тихий генерал, за всю жизнь занявший со своими вещами едва ли половину пространства этого большущего платяного шкафа. И вот теперь мать, сама приближающаяся к пенсионному возрасту, торопится высвободиться из-под заботливого ига. А она? – спросила себя Ксюша. И грустно усмехнулась: уж она-то, будь такая возможность, жила бы в коконе бабкиной требовательной любви до конца дней своих.

Так они по очереди вынимали и складывали на постели вещи – Ксения удивилась, как мало среди них новых. Большинство же – крепдешиновые платья, тяжелая кофта-букле, брюки из шерсти, – казалось, были здесь вечно, стали частью бабушки, как рука или нога, и потому странно, нереально смотрелись в ее отсутствие. Вечное теперь отсутствие. Тщетно пытаюсь складывать одежду с той же аккуратностью, с которой это делала бабушка, Ксения чувствовала, как сдавливает сердце и горло не вышедшее наружу рыдание, и, мельком бросив взгляд на руки матери, заметила, что те дрожат.

– Я бы хотела тебе кое о чем рассказать, – мать со второго раза попыталась застегнуть перламутровую пуговку на блузке. – У меня есть человек.

Ксения обескураженно посмотрела на мать: что она имеет в виду? Мать поймала ее взгляд, сглотнула.

– Мужчина. Уже давно. Юрий Антонович.

– Бабушкин аспирант? – нахмурилась Ксюша, вспомнив тусклого персонажа с мелкими зубами, пришедшего на похороны и почему-то усевшегося рядом с матерью.

– Да. – Так и не закончив застегивать пуговичку, мать отложила блузку в сторону и повернулась к Ксюше. Щеки окрасились в розовый, глаза блестели. Она вдруг

показалась Ксении совсем юной, почти девочкой. – Ты же знаешь, как мама могла быть упряма, стоило ей кого-то невзлюбить. Мы с Юрой... уже давно вместе.

– Насколько давно? – Ксения с удивлением почувствовала, что испытывает какую-то детскую ревность к невзрачному типу. Она только что потеряла бабушку, и вот мать говорит, что тоже занята.

– Давно, – уклончиво повела плечами мать. – Но теперь решили жить вместе. Надеюсь, ты не против? У тебя же будет своя квартира в центре, и...

– Ясно, – Ксения закусила губу, – и скоро дом окажется совсем свободен.

– Перестань! Перестань быть так на нее похожа! – Нинино лицо задергалось в обиженной гримасе. – Хватит! Я отдала вам лучшие годы и теперь хочу пожить по-человечески!

И она почти бегом вышла из комнаты. Истерично хлопнула дверь ванной. Ксения опустилась на кровать: вот это да! У матери, оказывается, была своя тайная жизнь. Ксения вздохнула: неужели нельзя было выбрать для столь таинственного романа кого-нибудь попрезентабельней? Впрочем... Может быть, он не так плох, как казалось ее бабке. Бабке, у которой, как выяснилось, тоже был секрет – так... секретик... смертельного толка. Мрачно усмехнувшись, Ксюша отодвинула чуть дрожащее в пазах разошедшей книжной полки стекло, провела рукой по корешкам книг. Сбоку стояли бабушкины учебники по химии. Она выбрала самый из них обтрепанный «Коллоидная химия. Часть I. Суспензоиды». Дата издания – 1949 г. Суспензоиды... Что бы это могло значить? Почему же раньше она не задавала бабушке вопросов? Теперь Ксюша готова была прочесть все про загадочные суспензоиды, если это могло восстановить призрачную нить, связывающую их с бабкой друг с другом. Она вздохнула, и вместе с этим вздохом, как лист с порывом осеннего ветра, из книжки выпала фотография: старая, черно-белая, с почти стертой надписью тонким карандашом на обороте: «С Новым, 1960 годом, соседи!» Ксения вздрогнула, увидев дату, перевернула фотографию – застолье. Смеющиеся лица, какие-то совсем не из нашей жизни. Впрочем, может быть, дело просто в прическах, в костюмах и платьях? Или в угадывающемся вокруг интерьере 50-х: уголок шифоньера, патефон, ковер с оленем, первый телевизор с трогательной линзой? Стол заставлен яствами: какая-то птица в яблоках (гусь? утка?), водка в графинчике, буженина, изыск черной икры – а рядом вездесущие селедка под луковыми

кольцами и квашеная капуста с клюквой.

Улыбаясь, но чувствуя во всем теле странную дрожь, Ксения узнала сначала свою бабушку – юную, восторженную: взбитые надо лбом завитки, платье с обтяжным лифом и круглым воротничком делает лицо еще моложе. Потом, рядом с красавцем южного типа, Тамару Бенидзе, совсем еще девочку: коса так же уложена короной на голове, только она еще иссиня-черная. Белая блузка с кружевом, огромные выразительные глаза. Ксения сощурилась, всматриваясь в старую карточку, и вдруг почувствовала, узнав кое-что еще, как похолодели кончики пальцев. Впрочем, а чего другого она ожидала? Они были там. Вились над головами рассеявшихся за новогодним столом. Кувшинки. Водяные лилии.

Маша

– Неужели вам не интересно? – Ксения смотрела на нее умоляюще. Перед ними на столе лежала черно-белая фотография обитателей коммуналки. – Ведь произошло преступление!

– Пятьдесят лет назад, – вежливо улыбнулась Маша. – Любое преступление имеет срок давности.

– Эх ты заговорила! – Любочка подлила гостье чаю, подцепила на блюдце прозрачный кружок лимона. – А кто еще совсем недавно копался у голландцев в четырехсотлетней истории?

– Там была связь, – возразила Маша. – Современная кража. И не только[1 - Подробно об этом расследовании читайте в романе Д. Дезомбре «Тайна голландских изразцов».]

– У нас тоже связь, – строго посмотрела на нее поверх очков Любочка. – С моей ближайшей подругой.

– Ведь ее кто-то подставил. – Ксения задумчиво размешивала витой серебряной ложечкой янтарную жидкость. – Они все были дома, но убил кто-то один, и он-то прекрасно понимал, что, скорее всего, подумают на мою бабушку.

– Преступление не смогли раскрыть и по свежим следам, – Машу умиляла их горячность. – Представьте себе, каковы наши шансы сейчас! Я понимаю, Ксения пытается таким образом отделаться от чувства вины. Ты тоскуешь по близкой подруге и хочешь отвлечься от ноябрьских будней, но...

Она столкнулась с Любочкиным взглядом и осеклась.

– Ты правда так считаешь? – откинулась на спинку стула бабка. – Все, что мне нужно после Ирочкиной смерти, – это развлечение на старости лет?

Любочка шумно выдохнула.

– Как думаешь, каково это – полвека носить в себе мерзость ложного обвинения? Ира избегала тем, связанных с теми годами, с той коммуналкой. И ежу понятно было, что там спрятана какая-то старая история. Но я не задала ни одного вопроса. Зачем, думала, копаться? Прямо как ты сейчас. И что получается? Получается, не только Ксения чувствует себя виноватой в том, что с ее случайной «помощью» клевета достала-таки ее бабуку – через столько лет. Выходит, и я оказалась нечуткой, плохой подругой и могу считать себя косвенно виновной в Ирочкиной смерти. Ведь если бы я дала ей выговориться, заново оценить ситуацию, возможно, все оказалось бы для нее менее болезненным, – бабка вдруг стукнула ладонью по столу, да так, что они с Ксюшей подпрыгнули от неожиданности. – А я отказываюсь нести в себе чувство вины! И не хочу, чтобы эта история портила жизнь теперь уже Ксюше. Потому что виноват кто-то другой. Тот, кто убил, а сам спрятался за Ирочкину спину!

– Хорошо, – вздохнула Маша. – Как ты себе это представляешь? Что откроется нашему взору через столько-то лет? И почему сейчас, если не получилось тогда?

– Эпоха другая, – выдохнув после страстной тирады и почувствовав, что внучка начинает поддаваться на уговоры, бабка позволила себе закурить. Маша неодобрительно смотрела на ее манипуляции с зажигалкой: подарок благодарных студентов. – Тогда все боялись. Но не всегда того же, чего сейчас. Пятьдесят девятый, шестидесятый – как будто уже «оттепель».

– А на самом деле – еще нет? – Маша под шумок убрала со стола сигареты.

– А на самом деле – только пригреть начало, – затянулась Любочка. – Как же! Время больших ожиданий! С одной стороны, власть вроде как поняла, что народу после войны и сталинской тирании надобно дать хоть глоток свободы и радости. Иначе ноги протянем.

– «Жить стало лучше, жить стало веселее»? – улыбнулась Маша.

– Да. Не намного, но когда нам требовалось много для счастья? – хмыкнула Любочка. – Исчезли талоны и очереди эти безумные. Чуть-чуть наладился, стабилизировался быт. И потом, спутник пустили совсем недавно – в октябре 1957-го. И в том же году Москва «взорвалась» фестивалем молодежи и студентов. А это, девушки, скажу я вам, даже не трехкратное – десятикратное ура! Сейчас и не представить, что это тогда для нас значило...

Бабка помолчала, глядя на собственное отражение в темном окне: за ним шел дождь. Освещая косые струи воды, лихорадочно качался под порывами ветра с Балтики уличный фонарь. Ксения осторожно глотнула чаю. Маша сидела, подперев кулаком щеку – она обожала, когда бабка уходила в воспоминания.

– А с другой стороны, – Любочка вздохнула, – тридцать седьмой был еще так близко. Считай, как сейчас середина 90-х. Не вернулись еще все узники ГУЛАГа, не сказана вся правда об Отечественной войне. Впрочем, – хмыкнула бабка, – она до сих пор не сказана. А холодная война – в самом разгаре. Человека еще можно было отправить за инакомыслящую прокламацию-листовку в лагеря. Тяжелое время, но я тогда была много оптимистичнее, – она невесело улыбнулась. – Видимо, свойство молодости.

Маша накрыла ее руку своей, хотела было что-то сказать, но Любочка резко отодвинула стул и встала.

– Иди, Марья, и вылови мне этого гада, пусть он уже мертвый. Мертвый – не значит невиноватый.

Ксения

– Ну ничего себе! – Петя ходил из комнаты в комнату, выглядывал из пыльных окон. Даже провел пальцем по медальону с Терпсихорой над камином. Прямо по кокетливому алебастровому бедру. – С ума сойти!

– Тебе нравится? – Ксения, улыбаясь, ходила за ним хвостиком, опиралась затылком на дверные косяки. Наконец-то эта квартира станет источником радости! Как давно она хотела, чтобы у их с Петей долгоиграющего романа случился бравурный финал! Черт с ним, с маршем Мендельсона, но иметь свой дом, просторный, теплый, полный детей...

– А Страд куда поставишь? – спросил вдруг, обернувшись к ней, Петя.

И Ксения отшатнулась – не от вопроса, а от выражения его глаз.

– В смысле?

– Ну, наверное, будет какой-нибудь постамент? Рядом – призы, фотографии с президентами? Обычно ставят на каминную полку, но Страд рядом с открытым огнем держать не будешь, так?

Ксения всмотрелась в такое знакомое лицо – круглое, нос картошкой, пухлый, по-детски трогательный рот кривится в попытке усмешки.

– Петя, ты что?.. – растерялась она. – Это же для нас, для наших детей все. Ты съедешь от мамы, потихоньку сделаем ремонт...

– Ах да, – физиономию Пети еще больше перекосила неестественная улыбка. – Еще и в ремонт миллион забабахай! Ты ж теперь миллионерша!

– Перестань! Я что, виновата, что выиграла этот конкурс? Какая разница, кто купит квартиру?

– Какая разница? Какая разница... Ну конечно, никакой! Какая разница – кто солирует, а кто сидит в оркестре, и не первой скрипкой, да и скрипочка, заметим, не Страдивари!

– Петя, – она опустилась на колченогую табуретку, оставленную строителями на входе, – я тебя не узнаю.

– Так, может, ты меня не знаешь? – Он подошел к ней, наклонился, почти касаясь губами. Но целоваться явно не планировал. – Ты думаешь, я хочу от тебя детей? От тебя, страхолюдины?!

Ксения испуганно кивнула.

– А я – не хочу! – в голосе у Пети чувствовалось торжество. – И не люблю тебя, слышишь?! Все! Все кончено!

И он выбежал из квартиры. Хлопнула дверь. Некоторое время она еще слышала перестук шагов – будто задав себе ускорение последними ужасными словами, он даже на лестнице не мог прекратить своего бега. Ксения посмотрела на свои руки, сложенные замком на коленях, попыталась выдохнуть, но не сумела – рыдание сдавило горло. И она не выдержала: дала волю слезам, глядя в заложенный кирпичами зев мраморного камина, а видела не его, и даже не Петю, а почему-то бабушку, такую живую, еще относительно молодую, лет пятидесяти с небольшим, вмещающую в полных руках свернувшуюся калачиком пятилетнюю внучку без остатка: голова прижата к мягкой груди, ободранные коленки, все в зеленке, – к животу. Баюкающую ее, поглаживая теплой рукой по детским кудрям: тихо, тихо, все будет хорошо... шшш...

И Ксения будто попала в другое измерение – и постепенно перестала шмыгать носом и вздрагивать от рыданий. Расслабила, прислонившись к стене в ободранных обоях, шею и плечи.

И тут услышала его – шепот, доносящийся снаружи за дверь. Сначала невнятное бормотание, а потом будто тихий свист – сссс... – что закончился негромким и жестким, как удар бича: ...ука. А за ним с лестницы донесся еле слышный шелест – будто куча сухих листьев под порывом ночного ветра перевертышем спустилась по ступенькам и стихла этажом ниже.

Маша

Маша не была уверена, что все делает правильно, но эти люди – оба очкарики в растянутых свитерах – сразу показались ей симпатичными. Его звали Игорем, ее – Никой. Ника была школьной подругой Ксении, Игорь – историком, специалистом по «оттепели». И потому в их с Ксюшей визите в небольшую квартирку рядом на Василеостровской не было ничего случайного. После быстрого обмена новостями за последние несколько лет – «Прости меня, я со своей музыкой и правда ни с кем не общаюсь, как раб на галерах» и «Кому ты это рассказываешь – учительнице средней школы? Да я сама еле ноги до постели доволакиваю каждый день» – приступили к основной части. Представили чуть смущенную – да как она вообще дала себя уговорить? – Машу. Рассказали то, что узнали от Тамары Бенидзе. Выложили составленный на поминках список и фотографию, тыкали пальцем по мере продвижения списка: Лали и Заза Бенидзе – родители Тамары, он – оперный певец, тенор, пел в Кировском, ныне Мариинке. Двадцать второго года рождения. Она – портниха из знаменитого ателье на Невском «Смерть мужьям». Год рождения – двадцать шестой. Пироговы, занимавшие самую большую комнату в квартире, по отзывам Тамары, были лет на пять – восемь постарше ее родителей. Работали в одном мясном: он – рубщиком мяса, она – продавщицей. Убиенная Ксения Лазаревна родилась в конце восьмидесятых годов девятнадцатого века. Вдова. Мужа и дочь потеряла на фронтах Великой Отечественной. Внучку – в блокаду. Работала научным корректором в каком-то журнале. Занимала проходную комнатку, отделенную фанерной стеной – новоделом, оставшимся с 20-х годов. Дальше, на совсем уж смешной жилплощади, проживала Ирина Леонидовна. Третью комнату по левую сторону коридора, с окнами во двор, занимала «брошенка» Людмила Лоскудова, работала где-то на теплостанции, что ли. Одна поднимала двух сыновей. Потом – бездетные Коняевы, лет пятидесяти. Он – врач. Чем занималась жена, Тамара Зазовна не помнит. И, наконец, последняя дверь рядом с кухней – Аршинины. Муж изрядно старше жены – тогда это было в новинку, – какой-то путеец, мало бывал дома, всегда в разъездах, Анатолий Сергеевич. Жена Зина и дочка, совсем еще маленькая, лет трех – четырех.

– Итого, – моргнул Игорь и улыбнулся, – есть имена и фамилии, примерный возрастной ценз и адрес проживания.

Ксения кивнула:

– Думаете, этого достаточно?

– Смотря для чего, – ласково погладил собственную намечающуюся лысину Игорь. – Всех тайн можем и не раскопать, но кое-что точно узнаем.

– Я... заплачу?, – с готовностью сказала Ксения. А Маша обменялась понимающими взглядами с Игорем. Они оба чувствовали, что попали в какую-то мутную историю. У Маши была бабушка. У Игоря – Ника, глядящая на него с учительской строгостью и супружеской нежностью: неужели откажет подруге детства? Да и деньги в семье будут не лишними.

– Э... – замялся он. – Давайте-ка я сперва разнюхаю чуть-чуть, пойму, сколько на это надо времени...

– Значит, ты согласен? – Ксения всплеснула руками, и Маша в очередной раз поразились их сходству с крыльями. – Спасибо, спасибо тебе огромное!

– Что ж, – Маша встала, – а мне пора. Рада, что у нас теперь большая команда.

Она наклонилась, чтобы взять сумку, ненароком сдвинув плечом лежащую на подоконнике тонкую тетрадку.

– Ого! – услышала она голос Ксении. – Ты что это, гадаешь?

Маша подняла взгляд и увидела, как Ника сидит красная как маков цвет, а на нее с иронией смотрит муж.

– Новое увлечение, – пояснил он, кивая на колоду карт, приоткрытую сдвинутой тетрадью. – Вставайте в очередь! В тетрадке – шпаргалка.

– Это же не обычные карты? – пригляделась Маша к лежащей сверху картинке.

– Это Таро, – смущенно пояснила Ника. – Тетка подарила вместе с самоучителем. Очень расслабляет мозги. Ну и вообще... – И добавила, глядя на Машу: – Хотите, погадаю?

– Э... Нет, – тут уже стушеввалась Маша. – На суженого мне гадать пока рано, – перед глазами всплыло несчастное лицо Андрея.

– А ты? – Ника повернулась к подруге.

– А у меня тут как раз вчера не стало суженого. Так что зря время потратишь, – улыбнулась, но совсем невесело, Ксения.

– Глупости! – уже схватила в руки карты Ника. – Как раз, когда ничего не ясно, и надо гадать. Давай кратенько. Вытягивай четыре карты.

Маша переглянулась с Игорем – тот подмигнул, а Ксения уже потянулась к колоде. И, особенно не размышляя, вытянула четыре карты.

Маша опустила взгляд в сторону стола с раскладом и вздрогнула: все же в этих, еще средневекового разлива, карточных картинках есть что-то завораживающее и – жуткое.

Шут, повешенный за одну ногу головой вниз.

Лес мечей, вертикально торчащих из мертвого тела. Чья-то фигура в капюшоне, закрывающем лицо, на заднем плане.

А вот тот же персонаж в монашеском одеянии, капюшон откинут, и видны пустые глазницы и оскаленный рот. Опирается на косу. Смерть.

И наконец, охваченная огнем башня, рушащаяся от удара молнии. Два человека, летящие вниз, кричат от ужаса.

Маша сглотнула, перевела глаза на Ксению – та была бледнее простыни. Потом – на потерявшую дар речи Нику. «Похоже, тут даже не нужна шпаргалка, – подумала Маша. – Комбинация «не ах».

– Думаю, это плохая идея, – тихо сказала она, собрав страшные карты. Вынула из Никиных рук колоду и перемешала их с остальными. – Ксения сейчас и так подавлена после смерти бабушки.

– Да, – будто очнулась Ника, спрятав Таро за спину, как провинившаяся первоклашка – дневник с неподходящей оценкой. – Дура я. Тем более вы, музыканты, чувствительное племя. А это все глупости. Бабские забавы.

– И я то же самое говорю, – потрепал Ксению по плечу Игорь. – А то она сама себе нагадает, а потом спать не может. Ворочается. Вот, теперь новую жертву нашла.

Уже в прихожей, пока Игорь галантно подавал расстроенной Ксении пальто, Ника дотронулась до Машинной руки.

– Это же не опасно? – прошептала она, явно сама смущаясь своего вопроса. – Ваше расследование?

– Нисколько, – покачала головой Маша. – Не накручивайте себя.

Ника задумчиво кивнула.

– Вы же позаботитесь о ней? – Ника кривовато улыбнулась: мол, знаю, что вздор, но не попросить не могу.

Маша улыбнулась в ответ:

– Конечно. Не переживайте.

Это было крайне неосторожное обещание.

Леночка. 1959 г.

У каждого дела

Запах особый:

В булочной пахнет

Тестом и сдобой.

Мимо столярной

Идешь мастерской —

Стружкой пахнет
И свежей доской.
Пахнет маляр
Скипидаром и краской.
Пахнет стекольщик
Оконной замазкой.
Куртка шофера
Пахнет бензином.
Блуза рабочего —
Маслом машинным.
Пахнет кондитер
Орехом мускатным.
Доктор в халате —
Лекарством приятным.

Дж. Родари, перевод С. Маршака, собрание сочинений, 1959 г.

Пригаром пахнет в детсаду. Зеленым яблоком от снега. Снег продавливается под полозьями саночек. Они пахнут железом. Окна домов, горящие в темноте, – как глаза. Желтые глаза следят за тобой всю дорогу от детсада до дома. Мокрой шерстью пахнет от овечьего платка, в который мама ее заматывает. Падает тихо-тихо снег. Валит. Лена оборачивается – и не видит больше санного следа, да и материну фигуру впереди заносит белым. Еще чуть-чуть – и она пропадет. Лена вцепляется в санки – однажды она заснула и упала с них. А мать еще долго шла вперед, не заметив, что поклажи нет. Лена ждет не дождется, когда окажется в тепле. Мать обещала слепить из скисшего творога сырники.

Дома теперь радостно: новая жиличка натирает полы воском, и оттого во всей квартире пахнет совсем иначе. Но лучше всего – на кухне. Лучше даже, чем от самой жилички в тот первый раз, когда они увиделись. Па-жит-ник, ча-бер, майоран, по слогам повторяет она за улыбающейся жиличкой. Хмели-сунели. Оле-

Лукойе. Волшебство.

Все запахи в квартире идут из кухни: кухня – всему голова. Если там кипятят белье, то пахнет тяжелым паром, насосавшимися кипятком мужскими кальсонами. Если варят борщ, Лена с порога может понять – кто. Мама ее кладет чеснок и много мяса. А тетя Коняева – бережет желудок, делает постный. Запахи коридорные – как движение подводных течений. Сложнее. Но Лена чутко поводит тонким носом с шишечкой на конце. Вечные – из туалета, от сундуков в коридоре пахнет нафталином, смазкой – от подвешенных под потолок велосипедов, мазью с привкусом дегтя и смолы – от лыж, разношенной кожей, резиной и войлоком – от румынок, калош и валенок, выстроенных у входа. Каждый из жильцов, лишь откроет дверь, будто выпустит ненароком свою тайну. Запах пота из комнаты Аршининых, запах герани у Лоскудовых, запах земляничного мыла и ввевшегося табачного дыма – у Коняевых. А теперь еще из комнаты Бенидзе пахнет волшебной смесью грузинской еды и французских духов. Лена может сидеть под их дверью часами, прикрыв прозрачные веки с бесцветными ресницами и втягивая тонкими ноздрями воздух. Но кроме запахов Лена слышит кое-что еще. Жужжание. Едва различимое, оно дублирует прочие звуки – крики мальчишек со двора, равномерный звук «вжик-вжик» вверх-вниз по ребристой стиральной доске из ванной, «тик-так» старинных ходиков из комнатки старенькой Ксении Лазаревны, дребезжание бокалов у них в буфете, когда по переулку едет грузовик. А этот звук будто идет задами, как зуд невидимых насекомых. «Леночка, да окстись, какие мухи в ноябре?!» – всплескивает руками мама. Руки пахнут рассолом и луком – мама кромсает «оливье» на праздничный стол. Рядом с тем же усердием склонилась над своим шедевром тетя Лали: растирает остро пахнущую свежестью траву – она называет ее тархуном – в уксусе для лобио. Мама вытирает пот со лба. На халате под мышками растеклось по пятну. А тетя Лали... у нее и халат, как платье, – красивый, в разноцветную полоску. И фартук под цвет халату, отделан «вьюнчиком» – яркой тесьмой.

– Если хотите, – продолжает тетя Лали беседу с мамой, – я подгоню вам по фигуре вашу юбку.

– Правда? – мама вскидывает на нее полные надежды глаза. Она уже давно не влезает в свою шерстяную юбку. Папа говорит – разжирела ты, мать!

– Конечно, – тетя Лали улыбается. Толчет чеснок с орехами. – И блузку вашу я бы подновила. Я так с тенниской мужа делаю – одну ложку краски завязываю в

тряпочку в четыре слоя. И узелок этот – в таз после ополаскивания кладу, вместе с вещью. Будет как новая.

– Ммм... Пахнет-то как! – в кухню заходит папа. Лена заметила: с тех пор как у них живет тетя Лали, папа больше не ходит по квартире в пижаме. Мама тоже это заметила. И замерла с ножом в руке. Папа смотрит на тетю Лали, потом переводит взгляд на маму.

– Что это ты, мать, неприбранная, как солоха?

Мама краснеет. Вновь склоняется над доской.

– Не на балу, чай, – снова начинает она шинковать лук.

– Идите, идите, – машет с улыбкой на папу руками тетя Лали. – Нечего мужчинам на кухне делать!

И папа – вот странное дело! – глупо улыбается в ответ и уходит. А мама продолжает молча смотреть на полные свои, но ловкие пальцы, крепко прижавшие к доске половинку луковицы.

– Не обращайтесь внимания, – говорит Лали, добавляет к орехам чеснок. – Мой тоже иногда чего-нибудь такое скажет! А блузка розовая вам очень к лицу будет – это я вам как профессионал говорю...

Лена на секунду перестает слушать их беседу – вновь закрывает глаза, запах чеснока, грецких орехов, лука и тархуна смешивается в волшебное созвучие, у нее даже слезы выступают на глазах от счастья. И сквозь эту пелену слез она замечает в коридоре незнакомую девочку. Девочку в красных ботинках.

Ксения

Ксения пила чай осторожно, будто цикуту. Горячий – такой заваривала всегда бабка, не терпела даже чуть остывшей воды. Характеризовала емко: «помои». Эта страсть к кипятку – еще блокадная, конечно. Ксения незаметно вздохнула:

а может, дело не в слишком горячем чае, а в мужчине, сидящем напротив? Юрий. Лицо – как сборный плодово-овощной салат: губы как бобы, нос – грушкой. Лысеющая, слишком большая для тщедушного тельца голова. Выцветшие глазки. Что мама в нем нашла? Загадка. Правильно бабушка его не любила. Надо переезжать в квартиру на Грибоедова. Дом, и так опустевший с бабкиным уходом, стал совсем чужим с тех пор, как сегодня днем сюда вселился мамин – кто? Сожитель? Любовник? Неофициальный муж? Ни одно из определений Ксюше не нравилось. Одним своим присутствием он будто выталкивал ее прочь, и мать, явно держащая его под столом за руку – чтобы приободрить? – тоже стала ей неприятна.

– Завтра закажу грузовик, – сказала Ксения, потянувшись к нетронутой до сих пор коробке шоколадных конфет в центре, принесенной Юрием. – Одна из комнат почти закончена, там я и осяду. Буду делать ремонт постепенно.

Юрий улыбнулся, и Ксюша с трудом удержалась, чтобы не отвернуться: зубы были мелкие, как желтоватый горох.

– Отличная идея! – и он с шумом втянул чай. Ксюша вздрогнула, а мать, казалось, ничего не замечала. «Парит в семейном счастье», – неприязненно подумала Ксения. И сразу устыдилась своих мыслей. Разве это мамина вина, что она нашла свое счастье тогда, когда оно кажется Ксении неуместным?

Весь вечер после их с Петей ссоры она сидела перед телефоном – может, самой ему позвонить? Может, у него с мамой неприятности? Мама у Пети – тот еще ипохондрик. А может, в оркестре проблемы, с коллегами? Просто наложилось? А все те слова про нелюбовь – это не всерьез? Не может быть всерьез!

Но вчера в Консе – так все студенты сокращенно называли консерваторию – они столкнулись у дверей, и Ксюша по привычке бросилась к нему: Петька! А он посмотрел на нее, как смотрят на чужую, ненужную тетку.

– Мне кажется, мы уже все обсудили, – сказал холодно, перехватив футляр со скрипкой в другую руку и потянув на себя тяжелую дубовую дверь.

– Что обсудили? – ляпнула Ксюша, хотя уже тогда, в ту же самую секунду, было понятно: беги от него, беги!

– Все кончено, – буднично кивнув кому-то за Ксюшиной спиной, Петя исчез за дверью. А она почувствовала, как кто-то хлопнул ее по плечу: тромбонист и выпивоха Артем.

– Ну, поздравляю, старуха! Проставляться-то будешь в честь лауреатства?

Ксюша кивнула, тупо глядя на дверь, за которой только что исчез Петя.

– Да брось ты, Ксень! – Артем интимно дыхнул ей в ухо вчерашним перегаром. – Завидует он, вот и все.

– Завидует? – развернулась к нему Ксения.

– А что, скажешь, нет? Вон, желтый весь от зависти-то. Да все завидуют, даже я, – подмигнул Ксюше тромбонист. – Но он-то, бедняга, в первом ряду, считай. Легко ли?

Ксюша помрачнела: неужели правда? Она пыталась поставить себя на Петино место. А вдруг она тоже излилась бы жестокой желчью?

– Ты уже нашла кого-нибудь?

Ксюша вздрогнула, вернувшись к чаепитию с матерью и отчимом:

– Что?

– Так дизайнер, наверное, нужен? – Нина вроде как обращалась к ней, но не отрывала любующегося взгляда от Юрия: ни дать ни взять – юная Джульетта. Ксюша почувствовала, как нарывает, рискуя выплеснуться наружу, раздражение.

– Еще не решила, – она резко поднялась из-за стола. Может, она просто завидует? У нее-то с личной жизнью беда. Кстати, о беде: если она не поторопится, то снова рискует встретить Петю где-нибудь в раздевалке Консы. А этого, в дополнение к прочим радостям, хотелось бы избежать.

Перед выходом Ксения особенно тщательно, хоть и неумело, красилась. Обычно в те дни, когда не надо было играть на сцене, она и вовсе обходилась без макияжа, не вставляла в близорукие глаза контактных линз, но сегодня требовался ударный слой краски. Во-первых, чтобы продемонстрировать Пете, что у нее все хорошо. Но главное – всю ночь ее мучили кошмары. Она то просыпалась, вновь услышав тот свист с лестницы, то убегала через бесконечные питерские сквозные дворы от мрачной фигуры в черном плаще с капюшоном. И вдруг, похолодев, видела перед собой старый растрескавшийся асфальт, колеблющийся, как маятник: вправо-влево. Пыталась поднять голову, но ничего не выходило, и понимала, что висит вниз головой, одна нога, вывернутая под неестественным углом, застряла на уровне первого этажа между облупленной стеной и ржавым раструбом водосточной трубы. Абсолютно беззащитна. Она слышала медленные шаги – кто-то подходил к ней, а она ничего не могла сделать, ничего. Сссс... – доносилось до нее, и она рывком садилась на кровати, в холодном поту и с сильно бьющимся сердцем.

И вот теперь, много раньше назначенного часа, ее сильно клонило в сон. Накрашенные глаза и потереть было нельзя. Поэтому она смирилась: натянула связанную бабушкой шапку, застегнула на все пуговицы немодное драповое пальто и вышла под дождь, неся прямо перед собой вырывающийся из рук зонтик – дождь, договорившись с северо-западным ветром, летел в лицо почти под прямым углом.

Из-за дождя, шума ветра в ушах, шелеста шин проезжающих мимо автомобилей она не сразу услышала шаги. Народу на Садовой было мало, но, когда она свернула на канал, проклиная себя за то, что не села на маршрутку – в такую-то погоду! – она уловила их у себя за спиной. Остановившись, чтобы попытаться привести в порядок вывернувшийся наизнанку зонтик, она, скорее на уровне подкорки, отметила, что шаги стихли, и – обернулась. Человек в плаще, родом из ее сна, стоял у чугунных перил, глядя из-под капюшона на смятую частым дождем воду канала. Ксения вздрогнула, но заставила себя смотреть вперед и идти – еще пару метров вперед, а потом в сторону Театральной площади, в относительную безопасность ярче освещенных улиц. И правда, стоило ей повернуть с канала на узкую улочку, как ветер, усмиренный стенами, стих, дождь стал шуметь уже совсем уютно, по-домашнему. Ксении вдруг подумалось, что это наверняка Петя. Петя, ищущий предлога извиниться за свою резкость. Он наизусть знает ее расписание и вот идет, потерянный, за ней по пятам, не решаясь произнести так нужные им обоим слова. Ксению аж в жар бросило, настолько эта мысль показалась ей естественной и много более логичной, чем преследование неизвестного в черном. И, уже улыбаясь навстречу своему

ожидаемому счастью и воссоединению с любимым, она развернулась в сторону канала – туда, где уже почти растворились в утренних сумерках завораживающие звенья ограды. Но там никого не оказалось. Никогошеньки.

А случилось все потом, когда она уже поднималась по черной лестнице Консы, прижимая к бедру чехол с бесценным Страдом и брезгливо морщась от запаха курева. Этажом выше репетировали духовые, бесконечно повторяя один и тот же пассаж. Может быть, поэтому она ничего не услышала, а вечно глухая ее интуиция не шепнула ей: обернись! Чья-то рука схватила ее сзади за хлястик пальто, с силой рванула к себе, и, неловко качнувшись в попытке удержать равновесие, Ксюша обморочно полетела спиной вниз, успев заметить черный силуэт на фоне облупившейся серо-голубой краски непарадной лестницы.

Колька. 1959 г.

Царь уехал за границу,

А царица в Ленинград.

Царь посеял там пшеницу,

А царица виноград.

Детская считалка

Брату повезло. Раньше школа была отдельная. Пацаны – с пацанами. Девчонки – с девчонками. А сейчас что? В школе – вместе. Во дворе – тоже. Это я чего возмущаюсь-то? Слабину дал. Еще летом. Один в городе из мальчишек остался. Попрыгал с крыши сараев, поиграл сам с собой в разведчика – немцами были и бабки на скамейке, и девчонки на качелях. А потом девчонки предложили играть с ними.

– В секретики? – усмехнулся я свысока. Мы с пацанами часто на них натываемся: прикрытые стеклышком картинки из завядших лепестков и линялых фантиков. И уничтожаем, как вражеские объекты.

– В дочки-матери, – переглянулись девочки. И добавили для меня: – И в отцы.

– А как играть-то?

– Ты приходишь с работы, а я тут готовлю обед, – с готовностью начала рассказывать Люська из восьмой квартиры. – Ты, значит, садишься, газету читаешь, а я пока постираю...

– Скучота, – я присел рядом с качелями и взял в руки целлулоидного пупса. Мальчик – девочка? Не понять. – Давайте так: я разведчик, пришел навестить свою семью и спрятать донесение. А тут вдруг в дверь стучат фрицы. Что делать?

Глаза Люськи и Тоньки становятся круглыми, как пятаки.

– А я донесение ррраз! – и прячу в кастрюлю с борщом. А ты – ты же настоящий товарищ – уже закрываешь за мной дверь на черную лестницу. Фрицы тебе: признавайся, иначе мы тебя, как Зою Космодемьянскую!

– А я? – Тонька испуганно прижала к груди пупса.

– А ты – смотрите, мол, мне скрывать нечего, и борщ помешиваешь, поняла?

Девчонки кивнули. Одним словом, мы так целый день играли – я их учил, как надо. Если в очередь играть – то уж и ругаться по-настоящему, если пеленаешь пупса, то уж заматываешь в пеленки секретное донесение. А потом отправляешься в кругосветное путешествие, высаживаешься на Кубе для поддержки кубинской революции... В общем, здорово все вышло.

Но с тех пор, только выйду во двор, – девчонки сразу: Коль, давай поиграем! Пацаны уже смеются: иди, раз зовут! Фантиками с бусинками пошурши. А мы тут рыбалить идем.

Рыбалить, как говорит дядя Леша Пирогов, «это громко сказано». Вода в канале в разводах мазута, одни уклеики и водятся. Мы спускаемся по гранитным ступеням, раскладываем удила. У Витьки в ведре уже кое-что плещется. Интересно, откуда они тут берутся, эти уклеики, – из Невы? А туда приплывают из залива, а в залив из моря... И так мне захотелось увидеть хоть одним глазком это море, что я клев пропустил. Витька – ему уже тринадцать, в ремесленном

учится – смеется: о девчонках мечтаешь? Я мотаю головой, чувствую – покраснел: вспомнил о соседке новенькой почему-то. – Ладно, – Витька протягивает мне окурок. – Затянись пару раз.

Окурок грязный, мызганный. Но отказаться – не по-пацански. Я затягиваюсь, глядя на затянутую мутной пленкой гнилую воду и закашливаюсь так, что на глазах слезы.

– В первый раз, что ли? – недоверчиво глядит на меня Витька.

Я киваю, вытираю слезы.

– Давай еще раз. – В Витьке просыпается педагог. – Ты в глубину давай, вдыхай хорошенько...

Я вдохнул, как положено, и тут чувствую: в голове будто карусель закружилась, слабость такая в коленках, того и гляди упаду прямо в канал, к уклеякам.

– Э, ты чего? – доносится до меня, а я уже лечу куда-то вниз. Как через вату долетают голоса пацанов: «Голову, голову держите! Да не так, ложьте, ложьте его сюда!»

А потом и голоса пропадают. Очухиваюсь я уже у нас в комнате. Надо мной склонились три обеспокоенных лица: мамино, брата и папино. Увидев папу, я пытаюсь резко вскочить, но меня опять мутит, того и гляди вытошнит.

– Эк ты, брат, напугал нас, – говорит папа, гладит меня твердой рукой по обритой голове. Я пытаюсь улыбнуться, получается не очень – мама жалко всхлипывает. И уходит – наверное, на кухню. Мы остаемся втроем: я, брат и папка. Молчим. И хочется сказать какие-нибудь волшебные слова, чтобы они перестали себя так вести. Но я их не знаю и делаю вид, что разглядываю шарики на маминой кровати.

В прошлом году мы с Валеркой, соседом, во всей квартире эти шарики свинтили, чтобы ими играть. Набралось штук десять – такие кровати у всех стоят. Шуму поднялось, гаму – оказывается, без них постель начинает дребезжать и раскачиваться во все стороны. Нас поймали, шарики конфисковали и водрузили

на место – я на них до сих пор кошусь со смущением. Отец тоже смотрит на меня виновато – но он всегда так на нас смотрит: Лешка как-то мне объяснил (ты уже взрослый парень, должен такие вещи понимать!), что папа нас бросил, ушел к другой женщине и живет с ней на Петроградке, оттого и виноватится. Лицо у Лешки было во время беседы крайне торжественное, но я мало что понял – в коммуналке на Петроградке мы никогда не были, отец приходил пару раз в месяц в неизменном военном кителе. Совал украдкой леденцы в карман, на день рождения подарил шахматную доску, рассказал про Ботвинника и Спасского, вызвался меня учить... Лешка тогда строго ему сказал, что доска у нас уже есть и что он сам будет меня учить, спасибо. Я расстроился, не только из-за шахмат – дались они мне! А из-за папы, и что Лешка вечно все портит. А сегодня папа с торжественным лицом вынимает из портфеля черную коробочку. Сбоку по-нашему написано: Lubitel. Сверху: ЛОМО. Я не сразу понимаю, что это, а Леша уже темнеет лицом.

– Вот, сынок, – отец открывает черную крышечку, под ней обнаруживаются две линзы. – Фотоаппарат. Двойной объектив. Ты ведь хотел фотографировать?

Я поправляю очки на носу, киваю. Я хотел. И сейчас хочу. Но чувствую – ничего из папиной затеи не получится. Так оно и выходит.

– Не стоит, – Лешка с отцом объясняется почему-то всегда витиевато. Папа поднимает на него испуганные глаза. – Это дорогая игрушка. А вам деньги нужны на вторую семью. Так что, – Лешка забирает у меня из рук фотоаппарат и аккуратно застегивает футляр, – забирайте.

– Да что ты мне все «выкаешь»? – жалобно спрашивает отец.

– А мне так удобнее, – Леша встает, вроде как дает понять, что пора откланиваться. А тут как раз распаивается дверь – входит мама с подносом: на подносе чайник, рафинад и вазочка. В вазочке – сухарики, мама сама их печет из белого хлеба: вымачивает в молоке, посыпает сахаром – и в духовку. Я их обожаю. А Лешка аж краснеет – то ли от злости, то ли от нашего «угощения».

– Зря старалась, – говорит он. – Отец уже уходит.

И папа и правда суетливо собирается, неуклюже сует руки в рукава старого пальто. Мама растерянно глядит на меня, тяжело ставит поднос на стол.

– Как же так? Уже?

– Уже, – Лешка выдвигает вперед подбородок. Когда он так делает – с ним лучше не спорить. – Его ждут.

Отец жалко кивает и идет к дверям. Я хочу хотя бы обнять его на прощанье. Но Лешка так на меня зыркает, что у меня все внутри опускается, и сам идет за отцом закрывать. Мать вздыхает, качает головой. И тут я не выдерживаю: в носу так защипало, так стало обидно – и что перед мальчишками оконфузился, и что с папкой не поговорил, – что я зарываюсь лицом в мамину подушку и реву.

Хлопает дверь – это вернулся Лешка.

– Зачем ты так, Лешенька? – негромко говорит мать.

Потом мама еще что-то говорит, но я, задыхаясь от рыданий, не отрываю горячего от слез лица от уже насквозь мокрой наволочки. Леша ничего маме не отвечает, а садится рядом со мной на постель, хлопает по плечу:

– Ну-ну, рева-корова, нюни-то не разводи. Купим мы тебе фотоаппарат, зуб даю.

Я хочу ему сказать, что наплевать мне на фотоаппарат – я же близорукий, куда очкарику фотографировать, но от слез ничего не могу произнести.

И тут слышу мамин голос, тихий, умоляющий:

– Лешенька, сынок, не надо. Не влезай в эти дела. Не для тебя это.

Маша

«Просто проклятие какое-то!» – думала Маша, толкая дверь отделения травматологии. – Еще одна больница, опять бесконечные коридоры, люди в белых халатах и люди в халатах байковых (больные). Только на этот раз не Москва, а Питер, не Андрей, а...

Андрей. Маша вздохнула. Она позвонила ему, как только приехала к бабушке. Объяснила диспозицию: Любочка, нужно поднять настроение после смерти подруги...

– Ты прямо как мать Тереза. Или Чип энд Дейл, что спешат на помощь, – попытался пошутить Андрей. – Только один подопечный оправился, сразу летишь к другому.

Они помолчали. Конечно, Любочкино самочувствие крайне важно, но уж очень вовремя все произошло. Маша убежала. Спряталась от необходимости принятия решения. Трусиха. Вот и теперь, вместо того чтобы спокойно выложить Андрею все свои опасения, касаемые раннего замужества, стала рассказывать ему про взятое на себя обязательство раскрыть преступление пятидесятилетней давности. Легенды старой коммунальной квартиры. Выходит, вовсе не Чип она и не Дейл, а сказочница. Шахерезада и старуха Изергиль в одном флаконе. А Андрей покорно слушал, не перебивал, хотя и ему было ясно: все это – дымовая завеса. Попытка найти себе занятие, чтобы не надо было возвращаться и идти с ним под венец. А ничего он не возразил, вдруг поняла Маша, по той же простой причине: он тоже трусит. Вот скажет она «нет», и что они с этим «нет» будут делать? А пока... А пока у них у обоих еще есть отпуск. Отпуск, так вовремя предоставленный Аютиным. Иногда, сказала себе Маша, нужно просто время. Сделать несколько шагов в сторону, отвлечься от проблемы и снова вернуться к ней уже со свободной головой. И история с коммуналкой подвернулась весьма кстати.

Около Ксюшиной постели уже сидели Ника с Игорем, на тумбочке стояла бутылка минералки, лежали вездесущие апельсины и пластмассовый лоток с едой. У Маши чуть-чуть отлегло от сердца – сама она ничего не приготовила, а только купила яблок и восточных сладостей – Любочка вспомнила, что Ирина внучка с детства сходит с ума по нуге и шербету.

– Если бы не пыталась спасти Страд, может, и перелома такого не было бы, – с жалкой улыбкой поясняя друзьям Ксения, положив поверх одеяла руку в гипсе. Обездвижена оказалась и правая лодыжка – последняя, слава богу, не сломана, а лишь вывихнута.

– Ну и как, спасла? – Игорь приветственно кивнул Маше.

– Спасла, – провела Ксюша рукой по одеялу, будто сама себя погладила. – А руку свою не спасла. Какая из меня теперь музыкантша? Я ложку-то не смогу в руках держать... Привет! – это Ксения увидела в дверях палаты растерянную Машу. Глаза у нее были красные – видно, всю ночь проплакала. За стеклами очков с сильной диоптрией они казались маленькими, как у кролика. У Маши сердце сжалось от жалости – столько усилий, затраченных на профессию, такой успех в Канаде, блестящие перспективы... И что же получается? Неужели конец?

– Ничего-ничего, – похлопала ее по гипсу Ника. – Еще срастется. Ты молодая, разработаешь руку...

– Срастется-то срастется, – жалко усмехнулась Ксюша. – Но шансов на то, что я смогу играть, немного. И если это сделал Петя...

– Что сделал? – подала голос Маша, придвинув второй стул к кровати.

– Я не упала, – посмотрела на нее Ксюша. – Меня толкнули. Толкнул человек, который добрую половину дороги шел за мной по пятам.

– Думаешь, тебя преследовали? – мягко улыбнулась Маша.

– Да. Этот человек стоял под проливным дождем, в сумерках, и делал вид, что смотрит на воду.

– Городской сумасшедший, – мельком переглянулась с Машей Ника. – Зачем кому-то тебя преследовать?

– Я не знаю, – жалобно пожала плечами Ксения.

– Скорее всего, – внушительно сказал Игорь, – это два совершенно не связанных события. Один – неизвестный гражданин, которого ты еле-еле разглядела, сама говоришь – сумерки и ливень. Второй – какая-то торопливая сволочь, которая случайно тебя толкнула на лестнице, а теперь боится признаться в содеянном.

Ника мелко закивала: устами мужчины глаголет логика, а следовательно – истина, а Маша молчала, задумчиво смотрела на Ксению. Ей хотелось порасспрашивать ее поподробнее о незнакомце в сумерках, но виолончелистка

выглядела подавленной. И плюс к тому – испуганной. И усугублять этот испуг как раз тогда, когда Игорь сумел ее чуть-чуть успокоить? Маша поймала вопросительный взгляд Ксении и улыбнулась:

– Выздоровливай-ка. А мы с Игорем пойдем завтра в архив, покопаемся там по твоим квартирным делам, потом тебе все расскажем. Да, Игорь?

– Развлекут тебя, – кивнула с готовностью Ника.

А Игорь подмигнул Маше: мол, ввязались мы с тобой! И с видимым облегчением поднялся с казенного стула:

– Что ж, не будем утомлять больную, – он потянул жену за локоть, и Ника, чмокнув подругу в щеку и материнским жестом машинально оправив одеяло, вышла из палаты вслед за супругом и Машей.

* * *

– Ну-с, с чего начнем?

– Скорее, с кого. – Маша провела рукой по голове, смоченной невидимой питерской моросью. Они стояли перед Центральным госархивом. Игорь снял с носа и протер очки в мелкой водяной пыли, вынул из кармана список жильцов.

– Пироговы, – прочел он. – Вкусная фамилия. Наверное, и люди не самые плохие.

Валера. 1959 г.

«Во Дворце пионеров имени А. А. Жданова свыше 11 тысяч детей занимаются в 702 технических, художественных, музыкальных, хоровых и спортивных кружках».

Газета «Ленинградская правда». 1959 г.

«Красивая пара», – сказал папка про «хрузин», как их называет мама – как выплевывает. Худшие у нее «явреи», но грузины ей тоже – не очень. «Грубо выражаясь, мягко говоря», – добавляет про себя Лерка любимое папино выражение.

Лерка смотрит через занавески на новую соседку – как она к мамке в доверие пытается влезть: ему штаны справила, мамке – юбку расширила. Мама у него красивая, папа говорит – «все на месте», большая. Глаза, правда, – пытался он быть объективным, – маленькие. Ну, и усы, конечно. Все мальчишки над ним во дворе потешаются: что, Лерка, как вырастешь, такие же усы будут, как у мамки? Лерка в ответку с ними ни с кем не делится, когда выходит во двор со съестным – мамка то и дело ему то бутерброд сунет, то пирожное. Папка из магазина каждый день за пазухой приносит, называет это «толькодлясвоих», мама – дефицит. «Сорок-сорок сорокни!» – кружат вокруг него вечно голодные пацаны, кожа да кости. Сорокни – значит, поделись. Но Лерка только побыстрее засовывает кусок в рот, вытирает толстые масляные пальцы о растянутую вязаную кофту. Поняв, что им ничего не достанется, дворовые кричат:

«Жиро-мясо-комбинат, пром-сосиски-лимонад!»

И отстают. Но чуть-чуть презирают и отправляют водить: в пятнашки – водить, в прятки – водить, в двенадцать палочек – тоже. Ударит Витька по палочкам – и беги их, собирай! Или в выбивалу – вечно Лерку выбить норовят. Он – простая мишень. Крупная. Или за фрица играть – если в «войнушку». Фрицем быть никто не хочет. А на рыбалку или на чердак полазать никогда не зовут. Один Колька Лоскудов с ним дружит, потому что сосед, деться некуда, – понимает с легкой грустью Лерка. Брат вчерась Кольке фотоаппарат подарил – «Любитель 2». Лерка аж затрясся весь от зависти: у него фотоаппарата не было. А спроси – зачем он тебе сдался? Не ответит. Только знает: ему нужно все самое лучшее.

– Ты ж очкарик, – важно сплевывает Лерка в дворовую пыль – они сидят на лавке рядом с деревянными сараями. – Какой из тебя фотограф?

Колька опускает близорукие глаза. А Лерка, довольный, его добивает:

– В объектив надо видеть все хорошо, а то государство тебя обучит, а ты ослепнешь, вот будет номер!

– Все равно пойду, – глядя в пыль, говорит Колька. – Во Дворце пионеров кружок есть, фотолюбителей. По четвергам занимаются.

– Я с тобой, – вскакивает Лерка.

– Тебе ж это разве интересно?

– Я за компанию, – Лерка смотрит на него выжидающе. Он во Дворце был уже – на кружке по машиностроению. Но ушел – скучно стало. Пнул ногой щепку. – Ну чего, идем?

Вот странно как: Невский проспект близок, а они туда реже бегают, чем в порт на Ваське. Так на Невском что смотреть? Ну, «Елисейевский» с огромными люстрами из хрусталя, «Всем попробовать пора бы, как вкусны и нежны крабы» – эти крабы, «Chatka», тут же в банках, составленных высоченной пирамидой, и две бочки с черной икрой – гадость жуткая. Не подойти – дороговизна! Конфеты карамельки – по 700 рублей! Колька, конечно, замирает с открытым ртом. А Лерка тянет его к переходу – на другой стороне играет в саду отдыха джаз-банд, написано: под управлением Изи Атласа. Там публика уже пришла на концерт Райкина. Они с Колькой на секунду тормозят перед киноафишей: двое – мужчина и женщина – впились друг в друга почему-то синими губами. И это – кино? Лерка с Колькой переглядываются: кому такое вообще может быть интересно? То ли дело – «Судьба человека» Бондарчука! Папка его обещал сводить. Про войну. Тут он вспомнил, что слышал сегодня ночью, и замедлил шаг.

– Ты чего? – удивляется Колька. На секунду Лерке захотелось все рассказать, прямо тут, выплеснуть тот ужас, который он испытал, услышав знакомый и одновременно совсем чужой голос, перекрываемый богатырским отцовским храпом. «Шварц айзен адлер, – говорил голос. – Айзен адлер...» Лерка в темноте покрылся холодным потом, зажмурил глаза. Это было похоже на самую страшную сказку, где красавица внезапно превращается в чудовище. Хотя нет, еще страшнее, потому что какая красавица может быть ближе и дороже, чем своя мама? И с утра, вглядываясь в родное лицо, он пытался понять, не приснилось ли ему все. А если не приснилось, то что с этим делать – куда бежать? К отцу? Или сразу в милицию? Лерка сглотнул, прикрыл глаза – будто спрятался от реальности, чтобы не думать, не решать здесь и сейчас.

– Идем, что ли? – тычет его в бок Колька. Он волнуется, боится опоздать.

Они проходят через торжественный вход в Аничков дворец, долго изучают доску с перечнем кружков – их тут видимо-невидимо. А Колька – даром что очкарик – сразу видит «Фотодело» и дергает Лерку за локоть: поторопись!

* * *

Домой возвращаются в прямо противоположном настроении: Лерка мрачно пинает вдоль набережной жестянку, Колька – сияет, что твой медный грош. Его взяли в кружок! Сказали: близорукость может делу даже помочь – близорукий видит то, что другие не видят, а это, мол, для фотографа самое главное. Длинный, как жердь, руководитель секции показал ребятам несколько фото, попросил выбрать, что нравится. Лерка выбрал цветные фото из «Огонька». А Колька – фиговню какую-то: черно-белые лица колхозников, деревню с лошадью в тумане. Длинный тут как обрадуется! Что-то залопотал о перспективе и равновесии, Лерка ничего не понял. И Колька, он уверен, тоже не понял. Но кивал большой головой, как болванчик. А на самого Лерку жердявый после даже не взглянул, и Лерке стало обидно. Не столько из-за фотографий, столько из-за того, что и ему хотелось так же сиять, как Колька...

– Тебе тоже нужно в какой-нибудь кружок записаться! – говорит Колька, будто подслушал его мысли.

– Вот еще, дурака нашел! – начинает Лерка, и вдруг взгляд его падает на киоск «Союзпечати»: на стеклянной стенке выставлены новые марки. – Я марки собирать буду! – заявляет он.

– Филателистом станешь? – уважительно смотрит на него Колька.

И Лерка повторяет, с удовольствием пробуя сложное слово на вкус: фи-ла-те-лист. Да.

Ксения

Ксюша заставила себя подняться с постели и выйти хотя бы в больничный коридор. И то сказать: в старой больнице если и было чего красивого, то этот просторный коридор с арочными окнами. Будто в замедленном кино больные по черепашьи – травма же! – переходили из зоны света в зону тьмы. Ксения тоже вполне бодро постукивала алюминиевыми ходунками, когда...

– Простите, бога ради, вы тут наступили... – Ксения замерла. Мужчина в ярко-синем свитере под горло и зеленых вельветовых брюках встал перед ней на одно колено, голова в роскошных светлых кудрях склонилась к ее ногам, в руках блеснуло что-то металлическое – пинцет? – Вам не сложно будет привстать здоровой ногой на цыпочки?

Ошеломленная, Ксения оперлась на ходунки и с некоторым трудом приподнялась на носки.

– Ву-а-ля! – торжествуя, мужчина встал, держа пинцетом маленький клочок бумаги. – Простите, случайно вылетела...

– Кто вылетел? – Ксения впервые увидела лицо мужчины: густые брови, яркие – под цвет свитера – глаза, улыбка, как у Чеширского Кота. Такие красавцы всю жизнь вызывали у нее исключительно желание спрятаться.

– Бабочки тут не летают, – улыбка стала еще шире. – Это марка, узнаете?

Ксения, чуть покраснев и мысленным взором сразу окинув весь свой гламурный наряд – тапки, вязаные носки, застиранный халат, очки, – покачала головой: нет.

– Так называемая «Черная пенни», она погашена, в средней сохранности. Недорогая. – Ксения пригляделась: на марке была изображена дама в профиль. – Королева Виктория, – прокомментировал незнакомец, – очень приятно. А я – Эдуард.

Ксения хмыкнула:

– Восьмой?

Мужчина расхохотался:

- А вы забавная. Может быть, все-таки представитесь?

- Ксения, - Ксения покраснела еще гуще. - Уж простите - руки подать не могу, - и она качнула рукой в гипсе.

- Понимаю. Это вы меня извините, что побеспокоил в таком состоянии. Хотите, принесу вам что-нибудь из съестного? Я как раз маме иду покупать очередной вафельный торт. Она у меня съедает по одному «Шоколадному принцу» в день и не толстеет.

- Везет, - улыбнулась Ксения. - Но мне ничего не нужно, спасибо.

Эдуард («Боже, какие же претензии к жизни были у любительницы «Шоколадного принца», надеюсь, его отчество хотя бы не Иванович», - усмехнулась про себя Ксюша) кивнул и пошел себе по коридору - яркой экзотической птицей на фоне больничных ворон. Провожая его взглядом, Ксения не могла не признать: изумрудно-зеленый и небесно-синий смотрелись, как ни странно, очень здорово вместе - и вздохнула: есть же мужчины со вкусом! Среди консерваторской братии ей такие никогда не попадались. Да что там - сама Ксения с трудом решалась даже на традиционные цветочные сочетания. Размышляя об этом, она потихоньку доковыляла обратно до своей палаты, уверенная, что самое яркое впечатление на сегодняшний день уже пережила. И ошиблась.

Через полчаса, когда она уже почти прикончила принесенный ей заботливой Никой детектив в мягкой обложке, раздался стук в дверь. Думая, что это медсестра, Ксения сказала: войдите! И сразу пожалела: на пороге стоял давешний Эдуард с букетом цветов. Ксения почти неприлично на него уставилась.

- Сияние стиля, - усмехнулся в ответ Эдуард.

- А?

- Название букета. Шедевр цветочного маркетинга. Любите кустовые розы?

- Э... - Ксения, похоже, могла выражать мысль только звуками.

– Слушайте, там был не слишком большой выбор, – пожал он плечами. – Либо красные розы – но это мне показалось банальным. Либо композиции с лилиями – но от них у вас могла разболеться голова. Либо...

– Спасибо, – наконец смогла выразиться словом, а не междометием Ксения.

Красавец облегченно вздохнул:

– Я, наверное, не в тему. Но мне просто хотелось вас как-то порадовать.

– Спасибо, – повторила Ксюша, глядя на букет. На самом деле розы были прелестные – мелкие, бледно-розовые, очень нежные. Никто из ее друзей не догадался принести ей в больницу цветы. Да что там! Последний букет она получила после концерта в Монреале от месье Менакера, а до этого... – попыталась вспомнить она о каких-нибудь цветочных подношениях от Пети, но так и не вспомнила.

– Ваза, – кивнул тем временем самому себе Эдуард и исчез из палаты, вернувшись пятью минутами позже с трехлитровой банкой. За это время Ксения попыталась причесать – кое-как, пятерней незагипсованной руки – давно не мытые волосы и вставить линзы.

А Эдуард, водрузив банку с цветами на широкий подоконник, не дожидаясь приглашения, запрыгнул на него же и с любопытством оглядел апельсиновые дары на тумбочке рядом и обложку книжки, лежащей на Ксюшином пододеяльнике.

– Вы, наверное, филателист? – светски поинтересовалась Ксения, чтобы скрыть смущение. Что он тут – весь вечер сидеть намерен?

– О, нет, – он по-мальчишески поболтал ногами. – Это хобби. А вообще-то, я дизайнер. Дизайнер по интерьеру.

– Правда? – оживилась Ксения, нащупав тему для беседы. – А я как раз купила квартиру, которой очень нужен ремонт.

Эдуард снова улыбнулся, сверкнули идеально ровные зубы:

– Замечательное совпадение, вы не находите?

Маша

Маша пила чай и поглядывала по сторонам: как это часто бывает у пожилых людей, стены небольшой комнаты украшало множество фотографий. Вот на фоне входа в церковь из резного камня (птицы да цветы) стоят молодожены – судя по фракку и закрытому наглухо платью на юной испуганной невесте – конец XIX века. Маша привстала, чтобы прочесть надпись каллиграфическим почерком: Тифлис. 1888.

– Это мои дед с бабкой. Амилахвари. Древний, уважаемый род. Мама говорила, ее фамилия встречается в одной из поминальных записей в синодике Крестного монастыря в Иерусалиме, – мягкий низкий голос Тамары Зазовны завораживал.

Она сидела, улыбаясь, в кресле напротив: бархатный халат с кистями, бархатные же узкие тапочки на небольшом каблуке. Королева. Доброжелательная королева. Перед ней на столике накрыто для гостыи королевское же угощение: несколько видов варенья в хрустальных розеточках, домашнее печенье. – Вы ешьте, не обращайтесь внимания на мою болтовню. Вот – варенье ореховое. Это мне из Тбилиси родня присылает. Знаете, фотография тоже от них. Мои родители боялись хранить такое у себя. Князья – не слишком удачная родня в Советском государстве. Папа-то у меня был из простых, несмотря на «культурную» профессию. Его отец служил садовником у Амилахвари. Мать, я так понимаю, просто «спрятали» в таком неравном браке. А петь в его семье любили все – ну, это у нас, у грузин, частое явление. Вы ешьте, ешьте.

Маша зачерпнула серебряной ложечкой прозрачное оранжевое озерцо. Облепиха?

– Тамара Зазовна, а не осталось ли у вас каких-нибудь фотографий той поры?

– Конечно. Я вам тут приготовила пару альбомов. Видите ли, один из соседских мальчиков – мой любимец, Коля, – обожал фотографировать. Так у нас

сложилась даже такая традиция: в Новый год или на 7 Ноября он нам дарил свои карточки. Вот, – она потянулась и достала пухлый альбом: потертая бархатная обложка трогательно перевязана коричневым школьным бантом. Тамара пролистнула первые страницы, передала Маше. Сама пересела на диван рядом. Маша осторожно взяла альбом в руки: на первом развороте слева – супруга, справа – супруг.

– Какой ваш отец знойный красавец! – с улыбкой сказала она.

Тамара Зазовна кивнула:

– Мама тоже была интересная, умела себя подать. Но папа – правда был очень хорош. Это помогало в профессии – я имею в виду на сцене. Красивых оперных певцов не так много, а если к внешности добавить чарующий голос... – Она перевернула страницу: – А вот и все наши жильцы.

Тамара Зазовна замолчала, вглядываясь в лица.

– Мы сегодня смотрели в архиве документы по семье Пироговых, – Маша дотронулась до лица Пирогова: нос уточкой, маленькие хитроватые глазки, добродушно улыбается, демонстрируя многочисленные коронки в рту.

– Тоже красавец, – усмехнулась Бенидзе. – Только в своем роде.

– Это вы о хищениях госсобственности? – подняла глаза Маша.

– Откуда вы знаете?

– Через несколько лет после убийства Ксении Лазаревны его отстранили от работы в родном мясном магазине, осудили условно. Дело, я так поняла, было негромкое, больше воспитательного плана. Хищения оказались мелкие, он, как это тогда называлось, был банальным «несуном», а не злостным расхитителем.

– Вот именно что – банальным, – вздохнула Тамара Зазовна. – Мы же понимали, зачем человеку работать мясником. Но все его покрывали, потому что ели – на праздники – и язык, и балык, и вырезку. Мама моя готовила из этого изобилия на общий стол. Мы, можно сказать, благодаря им, Пироговым-то, и выживали.

Поэтому он у нас был «квартуполномоченным», да и вообще... – Тут Тамара Зазовна чуть потемнела лицом. – Он же, как вы уже, наверное, знаете, крестьянский сын. Практичный, рукастый.

– А Пирогова?

– Галина Егоровна? Она, конечно, была не в восторге от щедрости мужа, но в этом тоже просматривался несложный расчет: прикармливая всю нашу коммуналку, они надеялись на ответную лояльность. И получали ее: например, Людмила Николаевна Лоскудова, мама Коли и Алеши, присматривала за детьми, моя мать вне очереди драила места общего пользования и всех обшивала, доктор Коняев лечил нас, его жена – учительница – часто помогала делать уроки.

– Звучит, как идеальное общество, коммуна в действии? – улыбнулась Маша.

– В некотором роде так оно и было, – кивнула Тамара Зазовна. – Знаете, что говорил наш Пирогов, вставая с рюмкой водки на всех застольях? Что даже если по социалистическому плану строительства им предложат отдельную квартиру, он от нее откажется – так хорошо ему у нас в коммуналке живется!

– Но вы его не любите, – сказала Маша скорее утвердительно, чем задавая вопрос. И сама удивилась – почему использовала настоящее время? Кого сейчас уже не любить покойника?

Тамара Зазовна отвернулась:

– Не люблю, – глухо ответила она, тоже не отделяя себя за давностью лет от прежнего чувства. И добавила строго: – Но это уже мои личные причины, к убийству Ксении Лазаревны отношения не имеющие.

Маша решила не настаивать:

– Значит, хищения социалистической собственности вряд ли могли быть причиной для преступления?

Бенидзе замахала руками:

- Боже упаси!

Маша перевернула еще несколько страниц альбома.

- Не одолжите мне его на некоторое время?

- Конечно, берите.

- И еще. Мальчик, который много фотографировал...

- Коля?

Маша кивнула:

- Вы, случайно, не знаете его координаты? Я бы хотела с ним встретиться.

Тамара Зазовна побледнела:

- Боюсь, не получится, Маша. Он погиб. И уже давно.

* * *

Какая тишина... Удивительное место - за поселком, в сосновом бору. Дорога, минуя кладбищенские ворота, петляет дальше через лес и выходит к озеру. Золотое место Ленобласти, осененное дачными радостями еще с конца девятнадцатого века: бонтонные прогулки, крокет, домашний летний театр, в хорошую погоду - вид на Кронштадт. Само кладбище - маленькое совсем, только для избранных: академики, занимавшие здесь ведомственные дачи, один большой поэт, один большой музыкант. Немногочисленный, но солидный некрополь. И - среди прочих серьезных плит - маленькая стела. Николай Лоскудов. Коля. 1951-1960.

Человек, с которым Маша договорилась тут о встрече, стоял под мокрым снегом с непокрытой головой - длинный черный зонт, как штандарт побежденной армии, упирается в кладбищенскую глину. Высокий старик в синей куртке с отороченным мехом капюшоном, голова чисто выбрита, острый подбородок

опущен в клетчатый шерстяной шарф. Крупный хрящеватый нос, кустистые брови над выцветшими серыми глазами.

- Здравствуй, Тamarочка, - произнес он первым, увидев Тамару Зазовну.

- Алеша? - откликнулась Бенидзе, вглядываясь в высокого старика, и у Маши сжалось сердце: в этой переключке между пожилыми людьми она услышала зов юности. Она поддерживала Тамару Зазовну под руку и почувствовала, как дрогнула ее ладонь в перчатке. Алексей Иванович молча смотрел, как они подходят - чуть склонив голову на плечо и вглядываясь в лицо своей бывшей соседки.

- Совсем не изменилась, Томочка, - сказал он через легкую паузу, осторожно ее обняв.

- Конечно, нет, - рассмеялась Бенидзе, и Маша удивленно на нее взглянула: этот смуглый румянец, блестящие от сдержанной слезы глаза... А Тамара Зазовна тряхнула головой: - Всего-то полвека прошло.

- Да кто их считает? - с улыбкой пожал плечами старик, повернулся к Маше и протянул руку: - Здравствуйте. Лоскудов.

- Мария. Каравай, - протянула она ладонь в ответ, но на секунду замешкалась: кожа Лоскудова была вся в странных пятнах - экзема?

- Не обращайтесь внимания! - Алексей Иванович спрятал руку обратно в перчатку. - Наследственная проблема, это не заразно, чисто косметический дискомфорт. Так что у вас за вопрос?

- Я хотела поговорить с вами о бывших соседях. - Снег, нападавший на рукав пуховика за те несколько минут, что они стояли перед могилой, соскользнул мини-лавиной вниз.

Старик пожал плечами и раскрыл наконец над ними свой внушительный зонт.

- Боюсь, интересующая вас эпоха прилась как раз на мою раннюю юность. А в этом возрасте взрослые нас не очень волнуют. Мы все - в проблемах нашего

собственного мироздания. Подростковые комплексы и идеалы, друзья, первая любовь...

Тут Маша вновь почувствовала движение руки в перчатке и украдкой взглянула на Тамару Зазовну. «Не может быть! – сказала она себе. И тут же себя одернула: – Почему же не может?»

Ведь ясно как день, что Тамара Бенидзе была, а возможно и до сих пор, влюблена в Алексея Лоскудова. А он в нее, увы, нет.

Алеша. 1959 г.

Мой залетка в Ленинграде

И меня туда зовет.

Моя буйная головушка

И здесь не пропадет!

Ленинградский фольклор

Каждое утро, занимая очередь в ванную, я размышляю над тем, с чем можно сравнить нашу квартиру. Доисторический строй? Огонек газовых плит горит, как костерок в пещере, висящие над коммунальными столами сковородки исполняют роль тамтамов, а вывешенное сушиться над огнем белье – звериных шкур? Или все-таки Древняя Греция, где кухня – это агора, место общения, обмена новостями, эдакая театральная сцена для наших коммунальных драм? Тогда голос Левитана из репродуктора – как голос божества, указывающего светлый путь. А может, и вовсе Средневековье? Общий коридор – не что иное, как главная улочка средневекового городка, пересечение двух полуголых персонажей в ванной – встреча у фонтана, а пьяные потасовки на кухне (у нас такого нет, слава богу!) – тот же рыцарский турнир?

Но сколько бы я ни иронизировал, толку мало. Меня тошнит и от своего, и от чужого быта. Я перегружен лишней для меня информацией: знаю наизусть все соседское исподнее, знаю, что сегодня Пирогов своровал на ужин, я слышу

свистящий шепот, которым Лали Звиадовна умалывает то небольшое, что осталось от достоинства ее мужа. Мне жалко Тому, слоняющуюся по квартире с большими глазами – она так любит отца, но не в силах его защитить. Мне хочется отключить все органы чувств, закрыться, как моллюск, забиться в угол между рабочим столом и кроватью. Неделю назад, уходя, отец, оправдываясь, проговорился, что давно не дает матери денег. Я замер. Он-то был уверен, что я в курсе и оттого так с ним неласков. А правда в том, что мать ничего мне не рассказывала. И тогда – на что мы живем? Ведь ее зарплаты – сутки через трое на теплоэлектростанции – может хватить разве что на мерзлую картошку. У меня не хватило духу задать ей вопрос. Ведь пока я, здоровый парень, ей ничем помочь не могу. Да еще нужно изыскивать средства, чтобы отдавать Ксении Лазаревне деньги за Колькин фотоаппарат. Честно говоря, фарцовая компания давно вокруг меня ходит – есть у меня глупый, никому не нужный талант: я к языкам способный. Ну и вообще – память хорошая. Выяснилось случайно. В позапрошлом году ездили с ребятами на перекладных на Всемирный фестиваль молодежи и студентов – прозевать такое было нельзя, даже мама сдалась, отпустила. Трое суток почти не спали, болтались по столице, общались с интернациональной молодежью. Выяснилось, что американцы совсем не похожи на карикатуры в «Крокодиле»: простые ребята, большинство – в синих штанах и футболках. И главное – говорят совсем иначе, чем наша учительница по английскому по прозвищу Белка. Так вот, не поверите, через два дня я шпрыхал так, что меня даже наши милиционеры принимали за иностранца. Да, слов я знал мало, и это пришлось исправлять по приезде: постучался в комнатку к той же старорежимной старушке, нашей Ксении Лазаревне. Попросил у нее давно примеченные романы Вальтера Скотта – еще дореволюционного издания. Она не отказала, только велела обернуть в бумагу – ну а как иначе? И давала по одному тому: сначала «Айвенго», потом – «Роб Рой» и «Черный карлик». Читать было тяжело, даже взятый в школьной библиотеке словарь – и тот не знал всех слов. Но потихоньку дело пошло – и бедная Белка стала меня побаиваться: я пару раз поправил ее на уроке. Вышло шикарно. Теперь можно было браться за дело.

С приятелями-фарцовщиками мы познакомились там же, в Москве – они регулярно звонили, звали на «сейшены». Но я решил сначала осмотреться в одиночку. Пошатался пару раз вокруг «Американки» – бара в «Астории», постоял на набережной возле «Утюга Коммунизма» – крейсера «Авроры», съел пирожков с печенью рядом со «Щелью» – баром «Метрополя». Даже сходил туда-сюда по «Броду» – месту выгула всей стилижной публики. Ребята в узких штанах, галстуках вызывающих цветов и ботинках «на манной каше» меня не заинтересовали совсем. Не то чтобы я не получал удовольствия от священного ужаса, с которым их провожали глазами прохожие, одетые в неизменный серый

и коричневый цвета производства фабрики «Большевичка». Или не смеялся, когда видел «хвостик» из таких разноцветных попугаев, из смеха пристроившихся за старушкой с авоськой. Суть игры сводилась к следующему: каждый, кто встречал такую «очередь», должен быть встать в конец и повторять старушечий маршрут и жесты. И вот за бабкой тянулась целая змея из хохочущей молодежи. Старушка скоро начинала чувствовать неладное – слишком странно смотрели на нее идущие навстречу пешеходы. Но стоило ей остановиться и обернуться, как вся гоп-компания тоже замирала как вкопанная, и разогнать их, даже с помощью клюки, не было никакой возможности. Да, это смотрелось забавно, но искренне держать их за людей из другого мира было бы так же странно, как воображать нашу коммуналку местом средневековых ристалищ. Это просто ряженые, и, как бы ни отращивали они себе коков, как бы ни скалились на оторопевших приезжих провинциалов, глаза у них были... Советские у них были глаза. А вот те, другие, настоящие «фирмачи», подъезжавшие и отъезжавшие на своих туристических автобусах к Эрмитажу и «Авроре», в них было то, от чего у меня щемило сердце. В чем тут дело? – пытался понять я. В том, как громко и непринужденно они смеются, как часто улыбаются всем без причины? В ярких вспышках фотокамер? Или в черных очках, которые у нас считаются чуть ли не символом порока? А может быть, в том, что их старухи, в отличие от наших, доживающих свою непростую жизнь с обреченными и трагическими лицами, носят розовое и голубое и выпрыгивают из автобуса, как маленькие девочки, которых вывезли покататься на аттракционах, – с таким же восторженным выражением лица?

Я много думал об этом и однажды, в очередной раз стоя в коммунальной нашей очереди с полотенцем через плечо, понял: дело в свободе. Они – *Libertas Populi* – свободные люди, свободные граждане, как говорили в Средневековье. И еще я понял, что тоже так хочу. Я хочу быть свободным – не снаружи, одеваясь в яркие тряпки. Внутри. Я выращу это в себе, чего бы оно ни стоило. И первым шагом на пути к свободе оказалось принятие решения. Я вышел в полутемный коридор, набрал номер и сказал: «Я согласен». Я объяснил, что я готов делать, а что – нет. И тут увидел в проеме двери – ее. Ксению Лазаревну. Она стояла и внимательно слушала. А потом улыбнулась и тихо закрыла дверь с той стороны.

Ксения

День за днем Ксюша задавала себе один и тот же вопрос: что Эдик в ней, «страхолюдине», как обозвал ее Петя, нашел? Удивление этим фактом не проходило, напротив, становилось хроническим, как насморк у питерцев. Но это было приятное удивление; кроме того, Ксюша не могла не признать: больничные знакомства обладают особой душевностью. Во-первых, больной человек слаб, скучает от бездействия и, как следствие, открыт впечатлениям. Во-вторых, тот, кто протягивает ему руку помощи, изначально демонстрирует себя с лучшей стороны. Одно дело – встретить девушку в декольтированном туалете и на каблуках на гала-вечере, и совсем другое – развлекать ее, лежащую с сальными волосами и в мятом халате, в больничной палате. Из этой точки можно двигать отношения только вверх. Ксения уже предвосхищала, как, наконец, встретится с ним не в выцветшем балахоне, не в этом старом спортивном костюме, который пришлось разрезать, чтобы влезла перевязанная нога, а в любой более пристойной одежде. Впрочем, Эдика, казалось, ее наряд совершенно не смущает. С той, первой, встречи он носил ей цветы и конфеты, выгуливал – очень светски – по больничному коридору. И бесконечно менял свитера и брюки, жонглируя цветами, по-итальянски яркими и жизнерадостными. Вот и сегодня тоже – Ксения покосилась на его желтые, канареечного цвета штаны в крупный рубчик и улыбнулась. Профессия обязывает. Он, наверное, и квартиры такие делает – цветные, но уютные.

– Я дизайнер недорогой. Был бы простор для фантазии, – он улыбнулся, не отрывая взгляда от дороги – взялся отвезти ее домой после выписки. – Давай сначала посмотрим на твою квартиру, а там уж решим по деньгам.

– Тебе понравится, – пообещала Ксюша с едва сдерживаемой гордостью. Может быть, сама она похожа сейчас на дочь свинопаса, но ее квартира, ее гордость, должна, просто обязана подправить ее имидж.

И она – подправила. Ксения ковыляла за Эдиком из комнаты в комнату, как прежде за Петей, но как же с ним все было иначе! Солнечный, солнечный человек! – думала она, видя, как он, по-мальчишески счастливо улыбаясь, проводит рукой по камину: обязательно, обязательно вернуть к жизни! Бросается к балкону: вот это вид! Да за один такой вид нужно было брать квартиру! А эти лилии по потолку – их надо восстановить везде, как стихотворную строку, повторяющуюся из комнаты в комнату и твердящую о любви и счастье! Какая она молодчина, что не растерялась, а сразу приобрела эдакое сокровище! Он рассмеялся, оглядываясь на нее и нисколько не смущаясь собственного красноречия, а Ксения, улыбаясь в ответ, думала, что вот, никогда

она еще не встречала такого мужчину: щедрого на похвалу, не боящегося, как Петя, слезть со своего пьедестала!

- Значит, возьмешься? – спросила она, продолжая улыбаться.

- Еще как! Если ты позволишь, конечно, – он подошел, склонился над ее заточенной в гипс рукой с шутливым поцелуем.

- Еще как позволю, если ты меня не разоришь.

- Никогда! Как можно разорить женщину с таким вкусом, да она – подарок любому дизайнеру. Но! Я требую предоплаты, – солнечный зайчик скользнул по его лицу, он зажмурился.

- Сколько? – Она любовалась им, пока он не распахнул один смеющийся глаз.

- А, ерунда. Я уверен, ты справишься с такой дырой в бюджете, – и он вдруг быстро наклонился и поцеловал ее.

Ксения была настолько не подготовлена к произошедшему, что даже не успела, как пишут в романах, «раскрыть губы навстречу поцелую», и даже напротив, от неожиданности сомкнула их еще крепче. И тут, будто в унисон с внезапной дрожью во всем теле, раздался звонок входной двери, и Эдик, улыбаясь, отступил в тень, сделав шаг назад.

На пороге стояли Маша с Игорем. У Игоря в руках был полиэтиленовый пакет из ближайшего супермаркета, не иначе как Ника дала мужу список покупок. Маша держала перед собой букет из зеленовато-белых, совсем не раскрытых тюльпанов, но, лишь увидев Ксюшино раскрасневшееся лицо, смущенно опустила их плотно сомкнутыми бутонами вниз.

- Мы не вовремя? – спросила она тихо вместо приветствия. Но Игорь уже шагнул вперед:

- Как это не вовремя, мы же договорились!

Ксюша растерянно кивнула: и правда, договорились, только вот заставший ее врасплох поцелуй... А Игорь уже громогласно поздравлял ее с выздоровлением.

– Умница, ела много кальция, – он прошел вперед. – Ника поручила купить тебе творога, фруктов и... – И тут он осекся, увидев в комнате, в центре солнечного квадрата, Эдика – абсолютно непринужденного, светского, в этих его ярко-желтых, прямо-таки сияющих брюках.

– И – добрый день, – закончил за него Эдик, протягивая руку для рукопожатия. – Я Эдуард, буду тут дизайнером. Пока холодильника для творога еще нет, но, насколько я понял планы хозяйки (а Ксения снова порозовела – она успела немало порассказать Эдику в больнице о своих планах), он скоро появится.

– Э... – растерянно обернулся на Машу и Ксению Игорь. – Очень приятно. Игорь. Муж подруги. Ну, и тут тоже, кхм, помогаю... – он еще больше стушевался. – По одному делу.

Маша спасла его от неловкости, тоже подойдя знакомиться: очень приятно; вот она, как глупо, решила подарить выздоровевшей букет, а тут же не только холодильника, но ведь и вазы-то, наверное, нет. Однако они с Эдиком быстро придумали, что можно закрыть в страшноватой, еще коммунальной эпохи ванной слив и, напустив туда озерцо холодной воды, спасти цветы от увядания.

– Да, – объяснял всем троим Эдик через несколько минут, когда они расселись на широком подоконнике в самой большой комнате, – конечно, это не лучший вариант – отремонтировать и жить в той же квартире. Но! Даже тут есть свои плюсы: учет и контроль надо всем происходящим, участие в увлекательном процессе превращения замызганной коммуналки в чудный новый мир.

Эдик сверкал глазами, жестикулировал, Ксения с удовольствием отметила, насколько он увлек своими дизайнерскими планами и строгую московскую Машу, и совершенно далекого от стиля историка Игоря: восстановленный дубовый паркет, игра с белым цветом – но всегда разным, от легко-кремового до цвета слоновой кости в отделке стен, расширенное за счет чулана и части кухни пространство ванной комнаты, в которой окажется окно...

Ксения все больше понимала, что ей повезло, ужасно повезло, какое-то волшебное стечение обстоятельств, словно счастливая волна, несшая ее с

момента получения приза в Монреале и оборвавшаяся с бабкиной смертью, снова набирала силу, и он – этот мужчина со смеющимися глазами и в ярких брюках – был ее символом, радостной меткой.

– Что ж, – сказал Эдик и с мальчишеской легкостью спрыгнул с подоконника, – пора и честь знать. Вы же, наверное, поговорить пришли, а я вам совсем голову задурил своими дизайнерскими байками.

И посмотрел на Ксюшу так, что она сразу поняла, о чем он подумал, и вновь порозовела, аки майская роза.

– Не провожай меня, – остановил он ее попытку доковылять до двери. – Всего хорошего, приятно было познакомиться, – обернулся к Маше и Игорю. А потом подмигнул Ксении и поцеловал ее еще раз – на прощание. Но теперь – в щеку. Что продлило румянец еще минуты на две, за которые Эдик успел выйти за дверь, Игорь раскрыть свою кожаную сумку на молнии и вынуть документы, а Маша как-то весьма выразительно на Ксюшу посмотрела.

– Ладно. Перейдем к делу, – Игорь разложил на коленях и рядом фотокопии документов. – Вот мой улов из архива. По-моему, я напал на нечто интересное. И про кого, как вы думаете?

Он выдержал выразительную паузу, а потом, добившись от своих слушательниц максимального внимания, объявил:

– Про чету Коняевых.

Аллочка. 1959 г.

От коклюша, от ангины,

От веснушек на лице,

Рыбий жир,

таблетки хины

И, конечно, витамины —

Витамины:

«А»,

«В»,

«С»!

Сергей Михалков, Чудесные таблетки, 1960 г.

Аллочка заболела. Горлышко. Мама сказала – подцепила заразу в детсаду. Папа сам пришел за ней в садик – он, когда возвращался со своей железной дороги, всегда за ней приходил. Аллочка тогда со всех силенок бросалась к нему на руки, а он крепко прижимал ее к себе, делал маленькие «поцецуйчики», много-много: и в щечку, и в шейку, и в глазки, и в носик. Папа никогда не опаздывал, а мама забегала в садик самой последней, когда других детей давно разобрали. Влетала красная, когда Аллочка уже сидела в углу, заливаясь тихими слезами. Больше всего она боялась, что мама забудет о ней, оставит тут. И тогда нянечки Нина и Тата, добрые и толстые, переглянутся, фыркнут, как кошки: «Надоело! Сколько можно!» Оденут ее в беличью шубку, капор из овчины на лентах, колкий шарф и оставят одну на крыльце садика – дожидаться мамы в темноте. А она будет бояться, даже плакать, держать навтыжку, как солдатик, рукой в варежке свою лопатку и смотреть строго вверх, чтобы слезы не вытекли и не замерзли на ветру, смотреть туда, где качается на фоне черного неба желтый фонарь... Мама в тот вечер все-таки за ней пришла, схватила за руку, потянула за собой, ругала воспитательниц, что-то говорила про работу. Но Аллочка знала, что дело не в работе. Папа же тоже работает. Просто она маме не нужна. Папе Аллочка по его возвращении «с поезда» так и заявила: возьми меня с собой в вагон младшей проводницей, я тебе помогать буду. А то вдруг мама меня снова забудет? И папа посмотрел на маму, которая сидела рядом, полировала ногти – у нее очень красивые, розовые ногти, – мама закатила глаза – мол, детские глупости! А папа только и сказал: «Зина». И мама больше так не опаздывала, чтобы Аллочку оставляли одну в темноте.

А сегодня папа лишь взял ее на руки, и «поцецуйчиков» не понадобилось:

– Ты вся горишь, Аллочка. – И поворачивается к Нине и Тате, а они смотрят на него свысока (папа у нее маленький): у нас в группе двадцать детей, всем

температуру мерить?

Папа несет ее домой на руках – она легонькая, так папа говорит, прижимает к колючей щеке. Аллочке и колко, и сладко. А папа, как поднялся в квартиру, сразу стучится к дяде Коняеву-доктору.

– Андрей Геннадьевич, не посмотрите девочку? У нее жар.

– Конечно, Анатолий Сергеевич, раздевайте ребенка, я пока руки помою.

Пока папа стягивает с нее колкие рейтузы и валенки, разматывает шарф, мама сидит перед трюмо – снимает ваткой тушь с ресниц. С тушью очень интересно: туда, в черную коробочку, надо поплевать, потом поводить щеточкой и намазать на глаза, еще и еще один слой; тогда ресницы у мамы становятся, как у куклы. Казалось, каждую можно сломать, как сухую травинку в инее.

– Хватит уже у них обязываться, – говорит мама. – Завтра прекрасно сходили бы в поликлинику. Поставим горчичники, ноги попарим, вот и...

– А если ночью температура подымется? Нет. Пусть сейчас доктор посмотрит, – не соглашается папа.

А ведь обычно папа маме уступает: если она хочет летом прогуляться в ЦПКиО на танцы или требует все новые отрезы, чтобы пошить себе в ателье платьев. Столько платьев, сколько у ее мамы, нет ни у кого. Даже у тети Лали. И крепдешиновые, и из жоржета, и из муара, и из панбархата, и бархата-на-шифоне. Аллочка обожает, когда мамы нет, забираться в свой «домик» – платяной шкаф и прижиматься щекой к нежным тканям. Аллочка даже однажды подслушала на кухне, когда между тетей Верой и тетей Галей вышел такой разговор.

– Балует он свою Зинку почему зря, – тетя Галя бодро шинковала лук, скидывала луковую слезу тыльной стороной руки.

– Вполне естественно, – мерно помешивала на сковородке мясо с капустой для ленивых голубцов тетя Вера. – Молодая красивая женщина.

– Вот именно что! Взял молодку, а теперь расплачивается! Сам-то он: от горшка два вершка, глазки косят, волосенки реденькие, не мужчина, тьфу – поглядеть не на что!

Аллочка, игравшая с куклой Амалией на маленькой скамеечке у окна, замерла: папа некрасивый? Не может быть!

– Да разве в этом счастье? – попыталась урезонить соседку тетя Вера. – Но, знаете, она совсем не хозяйственная. Ходит в домовую кухню. Там обеды – по два двадцать! Кто это может себе позволить?! И ладно бы цены, но ведь и закуска, и второе – все мясное. Ничего овощного.

– Ха! А ей, профурсетке, готовить самой некогда, вон она как хвостом вертит, едва муженек...

Тут они наконец заметили Аллочку и резко замолчали.

Аллочка вспоминает про это, когда видит, как мама вынимает шпильки из прически и встряхивает головой: густые русые волосы и правда были как хвост. Лисичкин? – задумывается Аллочка. Мама очень ухаживала за волосами, полоскала в отваре льняного семени, смачивала, накручивая на бигуди, соком лимона. А остатки сока смешает со сметаной и мажет на лицо... Но тут папа берет Аллочку на руки и несет к соседям.

У соседей Коняевых в комнате царит сервант с зеркалом посередине. Аллочка запрокидывает голову, чтобы посмотреть на чашки в бело-синюю розочку, видные за ребристым стеклом. Еще в серванте стоят китайская ваза, две рыбки на хвостиках и прозрачное сверкающее блюдо – Аллочка знает, его зовут хрусталь. Хрусталь – чтобы не блестел, решает Аллочка – прикрыт вязаной из белых ниток салфеткой. Тетя Вера – тяжелая, в вечной коричневой кофте с идеально накрахмаленной белой блузкой, волосы туго обтягивают большую голову, из-под волос виднеется белый череп – завораживает Аллочку большой бородавкой на щеке. У тети Веры – это Аллочка знала от мамы, когда та упрекала папу, что они «бедно живут», – есть тети-Верино норковое манто. Оно хранится в шкафу в комнате – обычно Аллочка просит его погладить, не без опаски протягивая ладошку сквозь створки платяного шкафа.

– Откуда у нее такая вещь? – удивленно поднимает тонко выщипанные брови мама, когда речь заходит об этом непонятном «манто». – И зачем оно ей – все равно всю зиму ходит в древнем пальто на ватине!

Еще тетя Вера коллекционирует фарфоровые фигурки: девушка с конем, мальчик с собакой, лыжник, девочка с курочками. А на подоконнике у нее в три ряда стоят горшки с цветами: хищное алоэ, скучный фикус и бархатные фиалки. Аллочка знает, что тетя Вера их «подкармливает» сахарным песком и касторовым маслом. Аллочка рассматривает цветы, пока доктор – уютный небольшой человек с шишковатым лбом – говорит ей: дыши – не дыши, прикладывает щекотно-холодную трубку к животу и щупает за ушками. Папа выжидающе сидит рядом, почтительно молчит. На стол он положил мандарины – гостинец, который привез с железной дороги. Аллочка несколько раз хрипло говорит: «Аааа». Наконец доктор откладывает на блюдечко палочку, которой нажимал Аллочке на язык.

– Боюсь, это скарлатина, – говорит он папе, а папа так бледнеет, что доктору приходится похлопать его по плечу. – Ничего-ничего, все дети через это проходят.

Он пододвигает к себе рецепты, а тетя Вера тем временем одевает Аллочку, потому что папа слушает доктора, не отрывая глаз от его губ, и кивает, как болванчик.

– Какая ты красивая девочка, – говорит тетя Вера, застегивая на ней вязаную кофточку. – Глазки синие, и эти локоны. Вот бы мне такую девочку...

Аллочка с удивлением смотрит на тетю Веру – ей кажется, что та сейчас заплачет. Да зачем ей такая девочка, как Аллочка? Она же старая! Но нет, тетя Вера не плачет, она глядит на доктора, и доктор на секунду перестает объяснять про лечение и тоже смотрит на тетю Веру, и лицо у него, как у дворового кота Васьки, когда того ловят на воровстве: гуляя по карнизу, Васька научился стягивать вывешенный за окно на мороз говяжий фарш. А тетя Вера начинает, чуть подвывая, читать Аллочке вслух стихи – она часто так делает, потому что она учитель литературы.

«Все серые, карие, синие глазки —

Смешались, как в поле цветы.

В них столько покоя, свободы и ласки,

В них столько святой доброты!»

– Это поэт Некрасов, – говорит она, погладив Аллочку по голове. – Иди к себе, моя хорошая.

Папа протягивает Аллочке руку, в другой крепко зажаты бумажки от доктора. Аллочка идет за ним, но перед дверью оборачивается. И видит, как доктор пытается взять тетю Веру за руку, а она руку вырывает. И еще они говорят друг с другом неслышными голосами, будто шепчут, а на самом деле – и не шепчут, только губами двигают.

Аллочка приходит к себе в комнату: мама сидит перед зеркалом и, держа сложенную жгутом мокрую салфетку, бьет себя под подбородком. Ей почему-то кажется, что подбородков у нее два. Со вторым она упорно борется. До Алочки долетают лишь мелкие капли – она слизывает одну с губ, соленую и кислую. Мама добавляет в воду уксус с солью. Пока мама бьет себя снизу вверх по шее, а папа рассказывает про лечение, Аллочка старательно пытается воспроизвести перед зеркалом то самое движение губ. И получается, доктор сказал беззвучно: «Прости меня». А тетя Вера, вырвав руку, ответила: «Никогда».

Маша

Маша с удовольствием отметила, что, похоже, Ксения не зря попала в больницу – приобрела там, как выразилась бы бабка, «кавалера». Кроме того, двойная удача: кавалер оказался дизайнером по интерьерам, и теперь эта тяжелая история, связанная с квартирой, как-то сдвинется с места в положительном плане. Если повезет, все на радостях забудут о том старом преступлении, в котором чем дальше – тем запутаннее. И хотя Маша понимала, что шансы отыскать убийцу из 1959-го, прямо скажем, стремятся к нулю, она против собственной воли уже зашла в эту эпоху, как Алиса в Зазеркалье: медленно переворачивала газетные страницы в архиве. Черно-белые фото, но цвета все равно угадываются.

Вот только что сданные в эксплуатацию новенькие станции метро – уже в граните, не в мраморе – без византийских излишеств, свойственных первым линиям послевоенной поры.

Вот кумачи на Невском, на проезжей части почти нет машин. А на широких тротуарах среди прохожих непривычно много военных.

А еще – мужчины в габардиновых плащах, широких брюках с отворотами и кепках. Женщины в платочках и вязаных кофтах, девушки в платьях с развевающимся широким подолом.

Грузовики с солдатиками. Автомобили, блестящие, как игрушки, стильные – «ГАЗ-21», «Победа».

Бегают трамвайчики с плоской мордой и белой полосой на боку.

На Обводном канале густо дымят высокие заводские трубы.

Машины глаза выхватывали детали, не свойственные современному быту: чемоданчики в руках у командировочных у Московского вокзала. Новенькие сталинские высотные дома с колоннами и гербами, перед ними – памятник Ленину (Сталина уже убрали, но он еще там, дрожит в весеннем воздухе, страшный призрак), клумбы, усаженные мелкими красными цветами, – бегония? Покрытые белой краской, похожие на чаши, урны.

Маша втягивает носом воздух, ей даже кажется, что она чувствует запах: пахнет прибитой поливальной машиной мокрой пылью, горькими, едва распутившимися тополиными почками, свежим ветром с Невы. Надпись на доме: «При запахе газа звоните 04». Только что высаженные тонкие деревца тянутся к чахоточно-нежному солнцу в Парке Победы – они будут хорошо расти. Маша помнит Любочкины рассказы: в этом месте в блокаду стоял кирпичный завод-крематорий, почва удобрена прахом, но об этом забудут еще лет на пятьдесят, тсс... Пусть приходят сюда пионеры на майские субботники, девочки – обметать метлами дорожки, мальчики – вскапывать газоны. И на Аллее Героев – пусть цветут розы, красные и желтые.

А на набережной Красного Флота (Английской) пришвартован атомный ледокол, а на Дворцовой стоят с удочками. А в кинотеатре «Колизей» дают «Войну и мир».

И так хочется попасть туда, в ту коммуналку на Гривцова, хоть на один вечер, притаиться в коридоре и смотреть, как вернется с работы Пирогов. Тщательно вытрет ботинки, снимет пальто, шляпу, промокнет платком вспотевший лоб и чисто выбритую голову, огладит рыжеватые усы перед зеркалом в коридоре. Ощупает в кармане мясной «презент» для семьи, быстро оглянется. Начнет насвистывать «Легко на сердце от песни веселой» и скроется за дверь своей комнаты. Затем – быстрый перестук каблучков Лали Звиадовны: легкий светлый плащ клеш, шлейф французских духов, тонкий шелк чулок на изящной щиколотке – королева, закройщица элитного ателье «Смерть мужьям», вершительница самых сладких грез замученных бытом советских женщин. В дверях ее встречает – в халате поверх белой сорочки и домашних брюк – муж: красавец, тенор, сейчас как раз распевается: «Куда, куда, вы удалились». Ему скоро уже на спектакль. Тамара сидит за столом, отгороженным от кровати тяжелым буфетом, делает вид, что решает алгебру, склонившись утяжеленной косами головкой над учебником, а на самом деле – пишет дневник. Да, надо спросить ее – записывает себе в блокнот погруженная в несвойственные ей мечтания Маша, – не вела ли? Тихо, почти неслышно открывается дверь – это вернулся с дежурства в больнице Коняев, доброжелательный доктор. Да... С Коняевым, как выяснил в архиве Игорь, были вопросы.

– Начнем с самого интересного – с его брака с Верой Семеновной, – произнес с горящими глазами Игорь вчера на квартире. Он «взял след». – Знаете, какая у нее девичья фамилия?

Маша и Ксюша одновременно покачали головами.

– Коняева! – торжествующе воскликнул Игорь, подсунув им бумажку. – И что это значит?

– Что у них одинаковые фамилии? – Ксения после ухода поклонника еще не полностью пришла в себя.

– Что он взял фамилию жены. – Маша отдала бумагу обратно. – Что не так с его собственной фамилией?

– Его фамилия была Кауфман.

– Еврейская? – нахмурилась Ксюша.

– Хуже. Немецкая. Хуже в ту эпоху, предвоенную, когда Андрей Геннадьевич женился на Вере Семеновне.

– Хочешь сказать, – усмехнулась Маша, – он женился на ней ради фамилии?

– Ха! – самодовольно хмыкнул Игорь. – Могло быть и так. Вполне себе банальная история. Вспомни тех же Бенидзе – садовников, пригrevших на своей груди девушку из рода Амилахвари! Чаще всего фамилию меняли все-таки барышни. Но и обратное тоже случалось. Однако в нашем случае все намного более загадочно, вы следите за руками. Итак. Вера Семеновна вышла замуж и, не захотев превратиться в Кауфман, сохранила девичью фамилию. Оно и понятно. А вот муж ее поначалу так и остался Кауфманом. Более того, у него было другое отчество – Генрихович. Андрей Генрихович Кауфман. И из юношеской гордости отчество он тоже не поменял, а в начале войны попросился добровольцем на фронт. Ну, тут ясно почему – чтобы никто косо не смотрел. Люди же не в курсе, что Кауфманы живут в России аж со петровского царствования, третий век подряд.

– Подожди, – медленно сказала Маша. – Я запуталась. Получается, что человека, женившегося на Коняевой до войны, и человека, живущего с ней в коммуналке на Грибоедова, объединяет только имя, и то, кхм, весьма распространенное – Андрей?

– Нет. Не только, – Игорь вновь полез в папку за фотокопиями документов. – Еще и лицо на фотографии. Смотрите.

Ксюша и Маша уставились на две черно-белые карточки: на первой – молодой мужчина с усами, на второй – обмякшее с возрастом, чисто выбритое лицо, уже знакомое им по любительским снимкам с коммунальных сабантуев. Несомненно, один и тот же, просто постаревший, человек.

– Он? – спросил Игорь.

Маша кивнула. А Игорь усмехнулся и вытащил из рукава явно козырную карту:

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Подробно об этом расследовании читайте в романе Д. Дезомбре «Тайна голландских изразцов».

Купить: <https://telnovel.com/darya-dezombre/teni-staroy-kvartiry>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)